

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ЗАПИСКИ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА

ПИСЬМА ИЗ СИБИРИ
ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННИКОВ
«СИБИРСКАЯ ТЕТРАДЬ»
ДОКУМЕНТЫ

М. Д. ИСАЕВОЙ

Семипалатинск, 4 июня 1855 г.

Благодарю вас беспредельно за ваше милое письмо с дороги, дорогой и незабвенный друг мой Марья Дмитриевна. Надеюсь, что вы и Александр Иванович позволите мне называть вас обоих именем друзей. Ведь друзьями же мы были здесь, надеюсь, ими и останемся. Неужели разлука нас переменит? Нет, судя потому, как мне тяжело без вас, моих ~~милых~~ друзей, я сужу и [в]о силе моей привязанности... Представьте себе: это уже второе письмо, что я пишу к вам. Еще к прошедшей почте был у меня подготовлен ответ на ваше доброе, задушевное письмо, дорогая Марья Дмитриевна. Но оно не пошло. Александр Егорыч, чербз которого я был намерен отдать его на почту, вдруг уехал в Змиев в прошлую субботу, так что я даже и не знал о его отъезде и только узнал в воскресенье. Человек его тоже исчез на два дня, и

письмо осталось у меня в кармане. Такое горе! Пишу теперь, а еще не знаю, отиравится ли и это письмо. Ад^{<ександра>} Ег^{<оровича>} еще нет. Но за ним послали пирочного. К нам с часу на час идут генерал-губернатора, [и] который в эту минуту может быть [он уже] и приехал. Слышино, что пробудет здесь дней [5] пять. Но довольно об этом. Как-то вы приехали в Кузнецк, п, чего боже сохрани, не случилось ли с вами чего дорогого? Вы писали, что вы расстроены и даже больны. Я до сих пор за вас в ужаснейшем страхе. Сколько хлопот, сколько неизбежных неприятностей, хотя бы от одного перемещения, а тут еще и болезнь, да как это вынести! Только об вас и думаю. К тому же, вы знаете, я инженер, можете судить об моем беспокойстве. Боже мой! да достойна ли вас эта участь, эти хлопоты, эти драмы, которые может служить управлением всякого общества! Распроклятая судьба! Жду с нетерпением вашего письма. Ах, кабы было с этой почтой; ходил спрашиватьсь, по Ад^{<ександра>} Ег^{<оровича>} все еще нет. Вы пишите, как и провожу время и что не знаете, как расположились без вас мои часы. Вот уж две недели, как я не знаю куда деваться от грусти. Если б вы знали, до какой степени осиротел я здесь один! Право это время похоже на то, как меня первый раз арестовали в сорок девятом году и схоронили в тюрьме, оторвав от всего родного и милого. Я так и к вам привык. На наше знакомство я никогда не смотрел, как на обыкновенное, а теперь, лишившись вас, о многом догадался по опыту. Я пять лет жил без людей, один, не имея, в полном смысле никакого, перед кем бы мог излить свое сердце. Вы же принесли меня как родного. Я припоминаю, что я у вас был как у себя дома. Александр Иванович за родным братом не ходил бы так, как за мною. Сколько неприятностей доставлял я вам моим тяжелым характером, а вы оба любили меня. Ведь я это понимаю и чувствую, ведь не без сердца ж я. Вы же, удивительная женщина, сердце удивительной, младеческой доброты, вы "были мне" этой родной сестрой. Одно то, что женщины противули мне руку, уже было целой эпохой в моей жизни. Мужчина, самый лучший, в иные минуты, с позазеванием сказать не более, ни менее, как дубина. Женское сердце, женское сострадание, женское участие, бесконечная доброта, об которой мы не имеем понятия и которой, по глупости своей, часто не замечаем, не замечаем. Я все это пишу в

вас: родная сестра не была им до меня и до моих недостатков добрее и мягче вас. Потому что если и были вспышки между нами, то, во-первых, я был неблагодарен свинья, а во вторых, Вы (сами) больны, раздражены, обижены уже тем, что не цепляло вас поганое общество, не понимало, а с вашей энергией нельзя не возмущаться несправедливостью; это благородно и честно. Вот основание вашего характера; по горе и жизнь, конечно, много преувеличили, много раздразнили в вас; но боже мой! все это выкупалось с лихвой, сторицю. А так как я не всегда глуп, то я это видел и испытал. Одним словом, я не мог не привязаться к вашему дому всюю душою, как к родному месту. Я вас обоих никогда не забуду и вечно буду благодарен. Потому что я уверен, что вы оба не понимаете, что вы для меня сделали и до какой степени такие люди, как вы, были мне необходимы. Это надо испытать и только тогда поймешь. Если бы вас не было, я бы, может быть, одеревенел окончательно, а теперь я опять человек. Но довольно; этого не расскажешь, особенно на письме. Письмо уже потому проклятое, что напоминает разлуку, а мне все ссс напоминает. По вечерам, в сумерки, в те часы, когда, бывало, отправляюсь к вам, находит такая тоска, что будь я слезлив, я бы плакал, а вы, верно бы, надо мной не посмеялись бы. Сердце мое всегда было такого свойства, что пристрастившись к тому, что мило, так что надо потом отрывать и кровснить его. Живу я теперь совсем один, деваться мне совершенно некуда; мне здесь все надоело. Такая пустота! один Ад^{<ександра>} Егорыч, но с ним мне уже потому тяжело, что я поневоле сравниваю вас с ним, и, конечно, результат выходит известный. Да к тому же его и нет дома. Без него я ходил раза два в Казаков сад, куда он переехал, и так было грустно. Как вспомню прошлое лето, как вспомню, что вы, бедные ваши, все лето желали прокатиться куда-нибудь за город, хоть воздухом подышать, и не могли, то так станет вас жалко, так станет грустно за вас. А помните, как один раз пам-таки удалось побывать в Казаковом саду, вы, Адек^{<сандр>} Иван^{<олич>}, я, Елена. Как свежо я все припомнил, приидти теперь в сад. Там ничего не изменилось и скамейка, на которой мы сидели, та же... И так стало грустно. Вы пишете, чтоб я иду с Врангелем, но я не хочу, по многим важным причинам.¹⁾ Денеги. С ним живя, я очевидно, должна больше тратить: прислуга, стол, а

тешло было бы жить на его счет. 2) Мой характер. 3) Его характер. 4) Я как поганец, к нему тоже часто таскается народ, и даже помногу. Исключить себя из компании и погна невозможно, а я терпеть не могу поганцов. Наконец, я люблю быть один, я привык, а привычка вторая натура. Но довольно. Я еще почти ничего вам не рассказал. Проводив вас до леса и расставшись с вами у той сосны (которую я заметил), мы возвратились с Врангелем рука в руку (он вел свою лошадь) до гостеприимного хутора Пешехоновых. Тут-то я почувствовал, что осиротел совершенно. Сначала еще было видно ваш тарантас, потом слышно, а, ваконец, все исчезло. Слов на дрожки, мы говорили об вас, об том как-то вы доедете, об вас а особенности, и тут, к слову [мы] Врангель расска~~зал~~ мне кой-что, меня очень порадовавшее. Именно в самый день отъезда, утром, когда Петр Михайлович приглашал Врангеля куда-то на весь вечер, он отговорился на вопрос: почему? отвечал: провожаю Исаевых. Тут были коскто. П. М. тотчас осведомился: стало дескать, вы коротко знакомы? Врангель резко отвечал: что хоть знакомство это недавнее, но все-таки это был один из приятнейших для него домов, и что хозяйка этого дома, т. с. вы, такая женщина, какой он с Петербурга еще не встречал, да и не надеется более встретить, [и что] такая, «каких вы», прибавил он, «может быть и не видывали, и с которой знакомство я считаю себе за величайшую честь». Этот рассказ мне очень понравился. Человек, который, бесспорно, видел самого лучшего общества (ибо в нем и родился), кажется, право в таком суждении на авторитет. В этих разговорах и, ругая Пешехоновых, мы приехали в город почти на рассвете, и кучер, которому предварительно не дали приказания, привез прямо к моей квартире. Таким образом, пропал предполагаемый чай, чему я был очень рад, затем что ужасно хотелось остаться одному. Дома я еще долго не спал, ходил по комнате, смотрел па занимавшуюся зарю и припоминал весь этот год, прошедший для меня так незаметно, припомнил все, все, и грустно мне стало, когда раздумался о судьбе своей. С тех пор я скитаюсь без цели, настоящий Вечный Жид. Почти никогда не бываю. Надосло. Был у Гриценки, который командирован на Копал и на днях выходит (он будет и в Верном). был у Медера, который находит, что я похудел, у Кучечки (поздравлял с именинами), где встретил Пе-

и хворых и поговорил с ними, бываю у Беликова и, в Кузнецк, хожу в лагерь ~~на северо-западе~~ ^{Бывший бывший генерал-губернатор} из татар-извозчиков. Ходил-ходил к Ольшанскому, и находит
Заходил на Вашу квартиру, взял плющ (он теперь мной) и под осиротелую Сурку, бросившуюся ко мне всех ног, по не отходящую от дому. Наконец извозчики воротились. Ваше письмо, за которое благодарю Вас почтенно, было для меня радостью. Я и татар расспрашивал. Они мне много рассказали. Как хвалили вас (всего вас хвалят, Марья Дмитриевна)! Я им дал денег. На другой день я видел Коптева у Врангеля. Он тоже мне кое-что рассказал, но об самом интересном, о ваших деньгах для дороги, не мог спросить его: вопрос щекотливый. Я до сих пор не придумаю, как вы ~~доехали~~ ^{дошли}. Вы написали письмо Марье Дмитриевне! Именно такого письма я желал; как можно больше подробностей и вперед так делайте. Я как будто вижу вашу бабушку. Негодная старуха! Да она вас сживает со свету. Пусть остается с своими моськами «по гроб своей жизни». Я надеюсь, что Александр Иванович ~~завещание~~ выиграет, так должно, а ее не возьмет. Ее надо уверить, что так будет лучше: иначе она должна дать подписку, что умрет через три месяца (за каждый месяц по 1 000 рублей), иначе не принимайте. Неужели вам, вам, Марья Дмитриевна, придется ходить за ее моськами, да еще с вашим злоровсем! Ведь эти старухи так несносны! Письмо ваше прочитывал Врангелью (местами, конечно). Не утерял и сходил к Елене: одна бедная. Как мне было жаль, что вы хворали дорогой. Когда-то дождусь вашего письма! Я так беспокоюсь! Как-то ~~вы доехали~~ Жму крепко руку Александру Ивановичу и целую его. Надеюсь, что он напишет мне в скорости. Обнимая его от всего сердца и как друг, как брат желаю ему лучшей компании. Неужели и в Кузнецке он будет так же неразборчив в людях, как в Семипалатинске? Да стоит ли этот народ, чтоб водиться с ним, пить-есть с ними, и от них не сносить гадости! Да это значит вредить себе сознательно! И как противны они, главное как грязно. После иной компании также грязно на душе, как будто в кабак сходил. Надеюсь Александр Иванович за мои пожелания на меня не рассердится. Прощайте, ~~известиями~~ Марья Дмитриевна! Прощайте! ведь увидимся не правда ли? Пишите мне чаще и больше, пишите об Кузнецке, об

новых людях, об себе как можно больше. Понедуйте шу; верно, шалил дорогой! Прощайте, прощайте! Неужели не увидимся.

Васи Достоевский.

А. Е. ВРАНГЕЛЮ

Семипалатинск, 14 августа 1855 г.

<...> Сегодня утром получил из Кузнецка Бедный, несчастный Александр Иванович Исаев ^{погиб} скончался. Вы не поверите, как мне жаль его, как я весь расстроен. Может быть, я только один из здешних и ^{здесь} _{были} были в нем недостатки, наполовину виновата в них его черная судьба. Желал бы я видеть у него бы хватило терпения при таких неудачах? Зато сколько доброты, сколько истинного благородства. Вы его мало знали. Боюсь, не виноват ли я перед ним, что подчас, в желчную минуту, передавал вам, и может быть слишком увлечением, одни только дурные его стороны.

Он умер в нестерпимых страданиях, но прекрасно, как дай бог умереть и нам с вами. И смерть красна на человека. Он умер твердо, благословляя жену и детей и только томясь об их участии. Несчастная Марья Дмитриевна сообщает мне о его смерти в малейших подробностях. Она пишет, что [эти] вспоминать эти подробности — единственная отрада ее. В самых сильных мучениях (он мучился два дня) он призывал ее, обнимал и беспрерывно повторял: «Что будет с тобою, что будет с тобою!» В мучениях о ней он забывал свои боли. Бедный! Она в отчаянии. В каждой строке письма ее видна такая грусть, что я не мог без слез читать, да и вы, чужой человек, по человеку с сердцем, заплакали бы. Помните вы их мальчика. Пашу. Он обезумел от слез и от отчаяния. Среди ночи вскакивает с постели, бежит к образу, которым его благословил отец за 2 часа до смерти, сам становится на колени и молится, с ее слов, за упокой души отца. Похоронили бедно, на чужие деньги (изились добрые люди), она же была как без памяти. Нашел, что чувствует себя очень нехорошо здоровьем. И сколько дней и ночей сряду она не спала у его постели. Теперь пишет, что больна, потеряла сон и ^{не} _{может} ни пускаться не может. Жена исправника и еще одна ученица помогают ей. У ней ничего нет, кроме долгов и

штрафов. [Лишь] Кто-то прислал ей три рубля серебром, толкала принять, — пишет она, — и привлекала подаяние!

Если вы, Александр Егорович, еще в тех мыслях, как несколько дней тому назад в Семипалатинске (а я уверен, что у вас благородное сердце и вы от добрых мыслей не отказываетесь из какой-нибудь пустой причины, совершивши не идущей к делу), то пошлите теперь, с письмом, которое я прилагаю от себя к пей, ту сумму, о которой мы говорили. Но повторю вам, любезнейший Александр Егорович, я более чем тогда в мыслях считать все эти 75 руб. (прежние 25) [дол] моим долгом вам. Я вам отлам ^{непременно}, но не скоро. Я знаю очень хорошо, что ваше сердце само жаждет сделать доброе дело... Но рассудите: вы их знакомый недавний, знаете их очень мало, так мало, что хотя покойный Ал. Ив. и ^{запад} у вас денег на ^{погреб}, но предлагать вам ей, от себя — тщеславие! С своей стороны я пишу ей в письме моем, всю готовность вашу помочь и что без вас я бы ничего не мог сделать. Пишу это не для того, чтобы вам была честь доброго дела или чтоб вам были благодарны. Я знаю: вы, как христианин, в том не нуждаетесь. Но я-то сам не хочу, чтоб мне были благодарны, тогда как я того не стою; ибо из чужого кармана и хоть постараюсь отдать вам скорее, — но взял ^{почти} что на ^{неопределенный} срок. <...>

М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Семипалатинск, 21 августа 1855 г.

<...> Чего сказать тебе о моей жизни? У меня все по-прежнему, по-старому, и с последнего письма моего почти ничего не переменилось. Живу я тихо. Летом служба тяжеле, смотры. Здоровьем — своим не похвалясь, добрый Друг мой. Не совсем-то оно хорошо. Чем больше стареешь, тем хуже. Если ты думаешь, что во мне еще есть остаток той раздражительной минительности и подозрительности в себе всех болезней, как и в Петербурге, то, пожалуйста, разуверься, и помину прежнего нет, так же как, вместе с тем, и многого другого прежнего. <...>

П. Е. АНИЕНКОВОЙ

Семипалатинск, 18 октября 1855 г.

Прасковья Егоровна! Я так давно желал писать к вам и так жду удобного случая, что не могу пропус-

тия. Мы с ним не переписываемся, хотя, конечно, друг об друге хорошо помним.

Барон Врангель, ваш знакомый, вам кланяется. Я с ~~ши~~ очень дружен. Это прекрасная молодая душа; дай бог ему всегда оставаться таким.

Мое глубочайшее уважение, полное и искреннее, вашему супругу. Желаю вам полного счастья. Не слыхали ли вы чего об одном гадании в Омске в мое время? Я ~~наверно~~ — оно поразило Ольгу Ивановну.

Прощайте, многоуважаемая Прасковья Егоровна.

Я уверен, что бог приведет нам свидеться и, может быть, скоро. Я этого очень желаю. Я с благоговением вспоминаю о вас и всех ваших.

Позвольте пребыть, с глубочайшим уважением, вам совершенно преданным.

Ф. Достоевский.

От Константина Ивановича я получил нынешним летом несколько строк.

А. И. Бахирева я очень уважаю, но не во всем с ним спорю.

1856 г.

М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Семипалатинск, 13 января 1856 г.

Пользуюсь случаем писать тебе, друг мой. С прошлого года, когда я писал тебе с М. М. X <омсковским>, я не мог найти, до сих пор ни одной другой оправы. Теперь она представляется. Надо сознаться, что прошлого года ты мне плохо отплатил за мое длинное письмо: не отвечал почти ничего, даже не отвечал на некоторые мои вопросы, на которые я ждал от тебя подробного ответа. Не знаю, что тебя останавливало: леность? — но она была совсем не у места; доля? — но я уже писал тебе, что никогда не поверю существованию таких дел, которые не дают и минуты свободной. Осторожность? Но если уж я пишу тебе, то, вероятно, нечего опасаться. Надеюсь, что этот раз ты напишешь мне что-нибудь побольше, хотя и долго еще мне придется ждать твоего ответа, — месяцев семь. Этот раз хотел тоже настроить тебе очень много и подробно, обо всем моем житье-бытье, с тех пор как я оставил Омск и прибыл в Семипалатинск.

По ограничиваюсь одним этим листком собственно потому, что Александр Егорович Wrangel, подаватель этого письма, очень подробно и очень ~~щепетильно~~ может ~~указать~~ ~~доминить~~ тебя обо мне, если не во всех, то во многих ~~от~~ ношениях. Прими его как можно лучше и постараися всеми силами как можно короче с ним познакомиться и сойтись. Этот молодой человек ~~того~~ стоит: душа ~~добра~~, чистая. Я уж не говорю, что он для меня ~~столько~~ сделал, показал мне ~~столько~~ преданности, ~~столько~~ привязанности [ко мне], чего родной брат не сделает. (Это к тебе не относится). Сделай же одолжение, постараися полюбить ~~его~~ и сойтись с ним короче. Ты уже отрекомендовал ему мною как нельзя лучше. Да и притом, помни твой уживчивый, добрый и деликатный характер который всем нравился, который все любили, я думаю, что тебе это будет иструдно. В двух словах изображу тебе, на всякой случай, характер Ал~~ександра~~ Er~~ловича~~, чтобы тебе было легче и чтобы ты уж ~~паче~~ более не затруднялся. Это человек очень молодой, очень кроткий, хотя с сильно развитым point d' honneur, до невероятности добрый, немножко гордый (но это спору), я это люблю), немножко с юношескими недостатками, образован, но неблистательно и неглубоко, любит учиться, характер очень слабый, женски впечатлительный, немножко ипохондрический и довольно мнительный, что другого злит и бесит, то его огорчает — признак превосходного сердца. Très comme il faut. Он самый беспористнейшим образом взялся хлопотать обо мне и помогать мне, всеми силами. Впрочем, мы с ним сошлись и он ~~меня~~ любит. Далее я еще скажу тебе о нем ~~коо-что~~, а теперь покамест перейду к себе.

Ты, вероятно, уже знаешь, голубчик мой, что обо мне очень сильно хлопочут в Петербурге и что у меня есть большие надежды. Если не все удастся получить, т. е. если не полную свободу, то по крайней мере несколько. Брат ~~Александра~~ Егоровича (служащий в конно-гвардии) был у тебя; я это знаю по его письму к брату и, вероятно, он сообщил тебе о всех стараниях, сделанных для меня в Петербурге. ~~Александр Егорович~~ я уверен, ~~которого~~ *ciel et terre* с своей стороны, по ~~правде~~ еще в Петербург, в мою пользу. Он тебе расскажет обо всем этом больше и подробнее, чем я могу тебе написать в этом письме. С своей стороны, говорю тебе только, что я теперь в совершенно ~~пассивном~~ подождении, и решился

ибо следующая ми-
(мимоходом уведомляю тебя, что я произведен в
майоры, что довольно важно,
узнавши о офицерами, что довольно важно,
если будет, должна быть, натурально, значитель-
ность.
все узлы офицерства. Меня здесь уверяют, что года через
две узлы даже через год, я могу быть официальным пред-
ставителем в офицеры. Признаюсь тебе, что я хотел бы пе-
рейти в статскую службу и даже ^{теперь} желаю этого и
может быть, буду стараться об этом. Но теперь
даже ^{также} ^{когда} ^{будет} ^{быть} ^{также} ^{будет} ^{быть} ^{также}
крайней мере училился, который паспортный офицер на вся-

иши в Петербурге. Повторяю тебе Ад~~лександра~~
Бор~~сона~~ гораздо больше и подробнее тебе об этом
расскажу. Я же прибавлю вот что: друг мой! Не думай,
чтоб какие-нибудь социальные выгоды или что-нибудь
подобное заставили меня до такой степени упорно ста-
виться о себе. Нет. Поверь, что бывши в таких пере-
драках, как я, выжившь наконец несколько филосо-
фии,— слово, которое толкуй как хочешь. Но есть два об-
стоятельства, которые заставляют меня как можно ско-
рее выйти из стесненного положения и ввергают в та-
кое лихорадочное участие к самому себе. Об этих об-
стоятельствах я тебя и должен уведомить. 1-е). Это то,
что я хочу писать и печатать. Более чем когда-нибудь я
знаю, что я недаром вышел на эту дорогу и что я
недаром буду бременять собою землю. Я убежден, что у
меня есть талант и что я могу написать что-нибудь хо-
рошее. Ради бога, не принимай моих слов за фаталиство.
Но кому ж мне и поверить мечты и надежды мои, как
не тебе? К тому же я хотел непременно, чтоб ты знал,
что наших соображений мне нужна свобода и некоторое
общественное подожжение.

Теперь приступаю ко второму пункту, для меня очень важному, по об котором ты никогда, ничего не слыхал от меня. Надобно знать тебе, мой друг, что, выйдя из моих грустной заторги, я со счастьем и надеждой присхал сюда. Я походил на больного, который ~~начинял~~ вышоравливать после долгой болезни и, быв у смерти, еще сильнее ~~наслаждение~~ чувствует жить в первые дни выздоровления. Надежды было у меня много. Я ~~отдал~~ жить. Что сказать тебе? Я не заметил, как прошел первый год моей жизни. Я был очень счастлив. Бог послал мне знакомство одного семейства, которое ~~никогда~~ не забуду. Это семейство Исаевых, о которых я тебе, кажется, писал несколько, даже поручал т-

бе одну комиссию для них. Он имел здесь место, ~~очень~~ недурное, но не ужился на нем и по ~~неприятностям~~ вышел в отставку. Когда я познакомился с ~~ними~~, он ~~уме~~ несколько месяцев как был в отставке и все хлопотал другом каком-нибудь месте. Жил он жалованием, ~~точнее~~ не имел, и потому, ~~занявшись~~ места, мало-помалу ~~он же~~ впали в ужасную бедность. Когда я познакомился с ~~ними~~, еще они кое-как себя поддерживали. Он наделал ~~добра~~ ~~бы~~ Жил он очень беспорядочно, да и натура ~~его~~ ~~была~~ довольно беспорядочная. Страстная, упрямая, ~~по~~ сколько загрубелая. Он очень опустился в общем ~~множестве~~ и имел много ~~неприятностей~~; но вынес от злополучного общества много и ~~неподобающих~~ преследований. Он был беспечен, как пыган, самолюбив, горд, но не умел владеть собою и, как я сказал уже, опустился ужасно. А между прочим это была натура сильно развитая, добрейшая. Он был образован и понимал все, об чем бы с ~~ним~~ не заговорить. Он был, несмотря на множество грязи, чрезвычайно благороден. Но не он привлекал меня к себе, а жена его, Марья Дмитриевна. Это лада, еще молодая, 28 лет, хорошенькая, очень образованная, очень умная, добра, мила, грациозна, с превосходным, великодушным сердцем. Участь эту она перенесла гордо, безропотно, сама исправляла должность ~~случинки~~, ходя за беспечным мужем, которому я, по праву дружбы, много читал наставлений, и за маленьким сыном. Она только сделалась больна, впечатлительна и раздражительна. Характер ее, впрочем, был веселый и резкий. Я почти не выходил из их дома. Что за счастливые вечера проводил я в ее обществе! Я редко встречал такую женщину. С ними почти все ~~раззнакомились~~, ~~частично~~ через мужа. Да они и не могли поддерживать знакомств. Наконец ему выпало место, в Кузнецк, Томской губернии, заседателем, а прежде он был чиновником особых поручений при таможне; переход от богатой и видной должности к заседательству был очень унизителен. Но что было делать! Почти не было куска хлеба, и я едва-едва достиг того, после долгой, истинной дружбы, чтоб они позволили мне поделиться с ~~ними~~. В мае месяце 55-го года я проводил их в Кузнецк, через два месяца ~~он~~ умер от каменной болезни. Она ~~об~~таялась на чужой стороне, одна, измученная и истерзанная долгим горем, с семилетним ребенком и без куска хлеба. Даже похоронить было мужа нечем. У меня денег не было. Я тотчас занял у Алек~~сандра~~ Егор~~она~~

25 и потом 40 руб. серебр. и послал ей. Славогу, теперь ей помогают родные, с которыми она была в ссоре, через мужа. Родные ее в Астрахани, ~~и~~ ~~женщина~~, сын французского эмигранта, М-р de Constant; Ей занимает значительную должность ~~директора~~ ~~и~~ ~~картиав~~ в Астрахани [он старик]. Состояния не ~~имеет~~, но живет своим жалованием, очень значительным. Теперь же скоро выйдет в отставку, и потому доходы его ~~изменятся~~. У него кроме того еще ~~две~~ дочери на руках. Наконец осталась родня мужа, родня дальняя; один из братьев мужа служит в Гвард~~ии~~ ~~в высоком~~ флиск~~ом~~ ~~стреми~~ ~~и~~ ~~зовом~~ батальону капитаном. Я знаю, что и ~~замуж~~ ~~мужа~~ была очень ~~благородочная~~. Теперь вот ~~Что~~ мой друг: я давно уже ~~женщину~~ знаю, она может любить. Жить без нее я не могу, и потому, если только обстоятельства мои изменятся, хотя не сколько к лучшему и положительному, я женюсь на ней. Я знаю, что она мне не откажет. Но беда в том, что я не имею ни денег, ни общественного положения, а между тем родные зовут ее к себе, в Астрахань. Если до весны моя судьба не изменится, то она должна будет уехать в Россию. Но это только откладит дело, а не изменит его. Мое решение принято, и хоть бы земля развалилась под ~~мою~~ ~~голову~~, я его исполню. Но не могу же я теперь, не имея ничего, воспользоваться расположением ко мне этого ~~благороднейшего~~ существа и теперь сплонить ее к этому брату. С мая месяца, когда я расстался с ней, моя жизнь ал. Каждую неделю мы переписываемся. Аз~~и~~ Егорович был знаком с Исаевыми, но только в последнее время их жизни в Семипалатинске. Он видел Марью Дмитриевну, но знает ее только несколько. Я был с ним несколько откровенен на этот счет, но несовершенство. Он не знает содержания этого письма, но думаю, будет говорить с тобой обо всем этом деле <...>

А. Н. МАЙКОВУ

Семипалатинск, 18 января 1856 г.

Может быть, вы через брата знаете некоторые подробности обо мне. В часы, когда мне ~~ничего~~ делать, я ~~что-то~~ записываю из воспоминаний моего пребывания в Каторге, что было полюбопытнее. Впрочем тут мало ~~ничего~~ ~~удоб~~ ~~мне~~ случай, то пришлю вам экземпляр, написанный мо-

с вами и вспомнил наше старое, незабвенный друг мой. Да! Я много раз был счастлив с вами: как же бы я мог вас забыть! Вы пишете мне кое-что о литературе. За пынший год я почти ничего не читал. Скажу вам и свои наблюдения: Тургенев мне нравится наиболее — жаль только, что при огромном таланте в нем много невыдержанности. Л. Т. мне очень нравится, но, по-моему мнению много не напишет (иначем, может быть, я ошибаюсь). Островского совсем не знаю, ничего не читал в целом, но читал много отрывков в разборах о нем. Он может быть, знает известный класс Руси хорошо, но, мне кажется, он не художник. К тому же, мне кажется, он поэт без идеала. Разуверьте меня, пожалуйста, пришлите мне, ради бога, что получше из его сочинений, чтоб я мог знать его не по одним критикам. Писемского я читал «Фанфарон» и «Богатый женщина», — больше ничего. Он мне очень нравится. Он умен, добродушен и даже ювелир: рассказывает хорошо. Но одно в нем грустно: спешит писать. Слишком скоро и много пишет. Нужно иметь побольше самолюбия, побольше уважения к своему таланту и к искусству, больше любви к искусству. Идеи смолоду так и льются, не всякую же подхватывать на лету и тотчас высказывать, спешить высказываться. Лучше подождать побольше синтезу; побольше думать, подождать, пока многое мелкое, выражавшее одну идею, соберется в одно большое, в один крупный, рельефный образ, и тогда выражать его. Колossalные характеры, создаваемые колоссальными писателями, часто создавались и вырабатывались долго и упорно. Не выражать же все промежуточные пробы и эскизы? Не знаю, поняли ли вы меня? Что же касается до Писемского, то, мне кажется, он мало сдерживает перо. Наши дамы-писательницы пишут как дамы писательницы, т. е. умно, мило и чрезвычайно спешат высказываться. Скажите, почему дама-писательница почти никогда не бывает строгим художником? Даже несомненный, колossalный художник Georges Sand не раз вредила себе, своими дамскими свойствами. Много мелких ваших стихов читал в журналах за все времена. Они мне очень правились. Мужайте и работайте <...>

А. Е. ВРАНГЕЛЬЮ

Семинарский, 23 марта (56 г.). Пятница
Добрейший, незабвенный друг мой Александр Его-

рович! Где вы, что с вами? и не забыли ли вы меня? С следующего понедельника начинаю ждать от вас обещанного письма с таким нетерпением, как будто счастья и осуществления всех настоящих надежд моих. Под конвертом найдете вы незапечатанные три письма: одно к брату, другое к генерал-адъютанту Эдуарду Ивановичу Тотлебену. Не удивляйтесь, все расскажу. А теперь приступаю прямо по порядку и начинаю о своих. Если бы вы только знали всю мою тоску, все мое уныние, почти отчаяние теперь, в настоящую минуту, то, право, поняли бы, почему я ожидаю вашего письма, как спасенья? Оно должно многое, многое разрешить в судьбе моей. Вы обещали мне написать в возможно скором времени по прибытии в Петербург и уведомить о всем том, чего я надеюсь и о чем вы так братски хлопотали за меня целый год, — откровенно, не утаивая ничего, не прикрашивая истину и отнюдь не обнадеживая меня шаткими надеждами. Таких-то известий жду от вас, как жизни. Не показывайте моего письма никому, ради бога. Уведомляю вас, что дела мои в положении чрезвычайном.

La dame (*la mienne*) грустит, отчаявается, больна поинутко, теряет веру в надежды мои, в устройство судьбы нашей и, что всего хуже, окружена в своем городишке (она еще не переехала в Барнаул) людьми, которые смастерили что-нибудь очень недобро: там есть женихи. Услужливые кумушки разрываются на части, чтоб склонить ее выйти замуж, дать слово кому-то, имени которого еще я не знаю. В ожидании шпионят над ней, разведывают, от кого она получает письма? Она же все ждет до сих пор известия от родных, которые там у себя на краю света должны решить здешнюю судьбу ее, — т. в. возвратиться ли в Россию или переселиться в Барнаул. Письма ее последние ко мне во все [все] последнее время становились все грустнее и тосклинее. Она писала под болезненным впечатлением: я знал, что она была больна. Я предугадывал, что она что-то скрывает от меня. (Увы! я этого Вам никогда не говорил: но еще в бытность вашу здесь, раз та *jalousie incomparabile* я доводил ее до отчаяния, и вот не потому ли она теперь скрывает от меня. И что же? Вдруг слышу здесь, что она дала слово другому, в Кузнецке, выйти замуж. Я был поражен как громом. В отчаянии я не знал, что делать, начал писать к ней, но в воскресенье получил и от нее

письмо, письмо приветливое, милое как всегда, но скрытое еще более, чем всегда. Меньше «определенного» задушевных слов, как будто остергаются их писать. Ц. [их] и помину о будущих надеждах наших. Как будто мысль об этом уж совершенно отлагается в сторону. Кое-то полное неверие в возможность перемены в судьбе моей в скором времени и наконец громовое известие — она решилась прервать скрытность и робко спрашивает меня: «Что если б нашелся человек пожилой, с добрыми качествами служащий и обеспеченный и [есть] если б этот человек сделал си предложение — что си ответить?» Она спрашивает моего совета. Она пишет, что у нее голова кружится от мысли, что она одна на краю света, с ребенком, что отец стар, может умереть, — тогда что с ней будет? Просит обсудить дело хладнокровно, как следует другу, и ответить немедленно. *Protestations d'amour* были, впрочем, еще в предыдущих письмах. В. прибавляет, что она любит меня, что это одно еще предположение и расчет. Я был поражен как громом, я зашатался, упал в обморок и проплакал всю ночь. Теперь я лежу у себя.

...
ей голове! Едва понимаю, как живу и что мне говорят. О, не дай господи, никому этого страшного, грозного чувства. Велика радость любви, но страдания так ужасны, что лучше бы никогда не любить. Клянусь вам, что я пришел в отчаяние. Я понял возможность чего-то необыкновенного, на что бы в другой раз никогда не решился... Я написал ей письмо в тот же вечер, ужасное, отчаянное. Бедняшка, ангел мой! Она и так больна, а я растерзал ее! Я, может быть, убил ее [этим письмом] моим письмом. Я сказал, что я умру, если лишусь ее. Тут были и угрозы и ласки и «утижницы». «Вы помите меня, вы мой ангел, моя надежда!» Но рассудите: что же делать было си бедной, заброшенной болезненно-мнительной и наконец потерявшей всю веру в устройство судьбы моей! Ведь не за солдата же выйти ей. Но я перечел все ее письма последнее в эту неделю. Господь знает, может быть, она еще не дала слово и кажется так; она только поколебалась. *Mais elle m'aime, elle m'aime*, это я знаю, я вижу — по ее грусти, тоске, по ее неоднократным порывам в письмах и еще по многому, чего не напишу вам. Друг мой! Я

Читаем приблизительно.

Несколько слов не разобрано.

никогда не был свами и вполне откровенным наэточесет. теперь что мне делать! Никогда в жизни я не выносил такого отчаяния... Сердце сожаление, смертельная, ночью сны вскрикивани, горловая спазма душит меня, слезы тозапрутсяупорно, тохзынутручьем. Просудите же, что меня любит. Но что если я противлюсь ее счастью? С другой стороны, не верю я в жениха кузнецкого! Не ей большой, раздражительной, развитой сердцем, образованной, умной отдаваться бог знает кому; который, может быть, про себя и побои считает законным делом в браке. Она добра и доверчива. Я ее Отлично знаю. Ее можно уверить в чем угодно. К тому же сбивают с толку кумушки (проклятые) и безнадежность положения. Решительный ответ, т. е. узнаю всю подноготную ко 2-му апреля, но, друг мой, посоветуйте же что мне делать? Впрочем, к чему я спрашиваю вашего совета? Отказаться мне от нее невозможно никак, ни в каком случае. Любовь в мои лета не блажь, она продолжается 2 года, слышите 2 года, в 10 месяцев разлуки она не только не ослабела, не дошла до «нелепости». Я погибну, если потеряю своего ангела: или б ума сойду или в Иртыш! Сама собой, разумеется, что если б уладились дела мои (на счет манифеста), то я был бы предпочтен всем и каждому, ибо она меня любит, в этом я уверен. Скажу же вам, что у нас, на нашем языке (у меня с ней) называется устройством судьбы моей: переход из военной службы в статскую, место при некотором жаловании, класс (хоть 14-й) или близкая надежда на это и какая-нибудь возможность достать денег, чтобы прожить по крайней мере до устройства окончательного дел моих. Само собой разумеется, что выход из военной и поступление в статскую, — хоть это только и без класса и без больших денег считается с [той] ее стороны за чрезвычайную надежду и воскресит ее. Я же с своей стороны объясняю вам мои надежды; чего мне надобно наверно, чтоб отбить ее от женихов и остаться перед ней чистым человеком, а потом уже спрошу вас: чего мне ожидать из того, что мне надобно, что может [быть] сбыться, что не сбыться? так как вы в Петербурге и многое знаете, чего я знаю.

• Мои надежды, дорогой, бесценный и, может быть, единственный друг мой, вы чистое, честное сердце —

Читаем приблизительно.

мои надежды — выслушайте их. Как, ни думаю, они мне кажутся довольно ясными. Во 1-х, неужели не будет никакой милости нынешним летом, по заключении мира или при коронации? (Вот этого-то известия я и ожидаю от вас теперь с судорожным нетерпением.) 2-е, по ложим, то еще в области надежд; но неужели нельзя мне перейти из военной в статскую и перейти в Барнаул, если ничего не будет другого по манифесту? Ведь Дурров перешел же в статскую. Я вам говорю, что уж этот один переход воскресит ее и она прогонит всех женихов-ибо в последнем и в предпоследнем письмах она пишет, что любит меня глубоко, что жених только расчет, что умоляет меня не сомневаться в любви ее и верить, что это только одно предположение, последнему я верю; может быть, ей предлагали и ее уговаривают, но она еще не дала слово; я спрашивался о слухах, отыскивал их' и оказывается много сплетен. К тому же, если б дала слово, она бы мне написала. След, это еще далеко не решено. Ко 2-му апреля жду от нее письмо. Я требовал полной откровенности и тогда узнаю всю подноготную. О друг мой! Мне ли оставить ее или другому отдать. Ведь я на нее имею права, слышите, *praed!* И так: переход мой в статскую службу будет считаться большою надеждою и ободрением. 3) Долго ли я буду без чина? Как вы думаете? Неужели будет заперта моя карьера? Такие ли преступники, как я, получали все? Не верю я тому! Верю, что через 2 года, если даже теперь ничего не будет, я ворочусь в Россию. Теперь самое важнейшее — деньги. 2 жещи, одна статья, другая роман будут готовы к сентябрю. Хочу формально просить печатать. Если позволят, то я на всю жизнь с хлебом. Теперь не так как прежде, столько обделанного, столько обдуманного и такая энергия к письму! Надеюсь написать роман (к сентябрю) получше «бедных людей». Ведь если позволят печатать (а я не верю, слышите: не верю, чтоб этого нельзя было выхлопотать), ведь это гул пойдет, книга раскупится, доставит мне деньги, значение, обратит на меня внимание правительства, да и возвращение придет скорей. А мне что надобно: 2, 3 тысячи в год, ассигнациями. И так честно ли я поступлю с ней или нет? Что ж этого мало, что ли для содержания нашего? Года через 2 возвратимся в Россию, она будет жить хорошо и, может быть,

Несколько слов не разобрано

также наживем что-нибудь. Ну неужели, имея столько мужества и энергии в продолжение 6-ти лет для борьбы с неслыханными страданиями, я не способен буду достать только денег, чтоб прокормить себя и жену. Вздор! Ведь, главное, никто не знает ни сил моих, ни степени таланта, а на это-то, главное, я и надеюсь. Наконец последний случай: ну, положим, что еще год не позволят печатать? Но я, при 1-й перемене судьбы напишу к людею, юропшу У него 1000 руб. серебр. для начала на новом поприще, не говоря о браке; я уверен, что даст: ну неужели не проживем на это году? А там дела уладятся. Наконец я могу напечатать *incognito* и все-таки взять денежки. Поймите же, что все эти надежды только в том случае, если нынешнее лето ничего не будет (манифест), и что если будет? Нет, я не подлец перед ней! А так как брошира сама [пишет] упоминает, что <рада б>

сить всех женихов [и вы] для меня, если б только у нас уладились дела, то значит, я еще ее избавлю от беды. Но что я говорю! Это решено, что я ее не оставлю! Она же погибнет без меня! Александра Егорович, душа моя! Если б вы знали, как жду письма вашего! Может быть, в нем есть положительные известия, тогда пошлю ей в оригинале, а если нельзя, вырву строки о належдах на устройство судьбы моей и пошлю.

Но понимаете, в каких я теперь хлопотах! Есть у меня до вас много просьб: ради Христа, исполните все. 1-я просьба. Вы найдете тут письмо к Эд. Ив. Тотлебену. Вот у меня какая идея: с этим человеком когда-то я был знаком хорошо; с братом его я друг с детства. Еще за несколько дней до ареста моего я, случайно, встретился с ним, и мы так приветливо подали друг другу руки. Что ж? Он, может быть, не забыл меня. Человек он добрый, простой, с [вели] великодушным сердцем (он это доказал), настоящий герой севастопольский, [достойный] Достойный имен Нахимова и Корнилова. Снесите ему мое письмо. Прочтите его сначала хорошенько. Вы, верно, заметите по тону моего письма к нему, что я колебался: не знал, как ему писать. Он теперь стоит так высоко, я кто такой? Захочет ли вспомнить меня? На всякий случай я и написал так. Теперь: отправьтесь к нему лично (надеюсь, что он в Петербурге) и отдайте ему письмо мое наедине. Вы по лицу его тотчас увидите, как

* Читаем приблизительно

он это принимает. Если дурно, то и делать нечего; в
ротких словах объяснив ему положение и замолив сль-
зечно, откланяйтесь и уйдите, попросив наперед у него
на счет всего этого дела секрета. Он человек очень важ-
ливый (несколько рыцарский характер) примет и отпус-
тит вас очень вежливо, если даже и ничего не скажет
убедительного. Если же вы по лицу его увидите,
что он займется мною и выкажет много участия и добро-
ты, о тогда будьте с ним совершенно откровенны; прямо,
от сердца войдите в дело; расскажите ему обо мне а
скажите ему, что его слово теперь много значит, что он
мог бы попросить за меня у монарха, поручиться (как
знающий меня) за то, что я буду вперед хорошим гражда-
нином, и, верно, ему не откажут. Несколько раз по проше-
бе Паскевича государь прощал преступников-поляков.
Тотлебен теперь в такой милости, в такой любви, что,
право, его просьба будет стоить Паскевичевой. Вообще же
я во многом надеюсь на вас. Вы скажете горячее слово,
я уверен. Ради бога, не откажите мне в этом. Напирайте,
собственно, на то, чтобы мне оставить военную службу
(но главное, если можно чего-нибудь более, т. е. даже
полного прощения, то не упускайте этого из виду).
Нельзя ли, наприм., уволить меня с правом поступления
в статскую 14-м классом и с возможностью возвратиться
в Россию, а газине печатать? Вообще прочтите кни-
матально мое письмо к Тотлебену. Нельзя ли будет пус-
тить в ход стихотворение. Я читал в газетах, что на обе-
де Майков говорил ему стихи. Не знаком ли он с ним?
Если так, то расскажите все Майкову, под секретом, и
попросите, чтоб и он попросил за меня Тотлебена и от-
правился бы к нему вместе с вами. Не встретите ли как-
нибудь младшего брата Тотлебена, Альфреда. Тот мно-
друг. Скажите ему обо мне, и тот бросится на шею к
братью и будет умолять его хлопотать за меня. Само со-
бой разумеется, вы мое письмо к Тотлебену запечатайте в
конверт и так подайте. Мне же как можно скорее при-
шли уведомление обо всем этом, хорошо ли, худо ли
будет. Но вот беда: чтоб Lamotte не уехал к тому вре-
мени по своему округу! Он поедет на месяц. Я думаю, что
уедет! Кажется, наверно так. Поторопитесь отвечать мне.
Боюсь еще одного: хорошо ли, наприм., принял письмо
мое кн. Обоев <саше>. Не обескуражены ли вы и, мож-
ет быть, нехотя пойдете к Тотлебену. Ангел мой!
Не оставляйте меня, не доводите меня до отчаяния!

Да прошу. Напишите мне подробно и скорее: как
ты напали моего брата? В каких он мыслях обо мне.
Прене это был человек, меня любивший горячо! Он
был тепл, прощаюсь со мною. Не охладел ли он ко мне?
Извиняла ли характера! Как грустно было бы мне
этот! Не обратился ли он весь в наживу денег и забыл все
старое? Не верится мне как-то этому. Но опять: чем же
объяснить, что он не пишет иногда по 7 по 8 месяцев, пи-
шет бог знает что, даже в бесцензурном письме с Хомен-
товским не отвечал ничего на мои вопросы, и так мало
вижу прежнего, задушевного! Никогда не забуду, что
он сказал Хоментовскому, передавшему ему мою прось-
бу похлопотать за меня: что мне лучше оставаться в Си-
бири. В декабре мы писали (помните через вашего брата),
я просил денег, прося их выслать на Ламотта. Вы зна-
ете, как я нуждался! Что ж ни слуху ни духу! Я по-
нимаю, что он может их не иметь, ибо он торгует, но в
крайних случаях спасают человека. Притом же недолго
я буду. У них на шее и все отдам. Притом же и пропущу то
что об деньгах, помня его же слова при прощании со
мною. В письме к нему, здесь приложением, прошу его
кроме тех 100 выслать мне еще, сколько может больше.
Мне нужно это на всякий случай (если б я получил сво-
боду, то тотчас же полетел бы в Кузнецк, а без денег
этого сделать нельзя). Кроме того, если [уеду в Барнау.]
уедет она в Барнаул, уговорю ее принять от меня; я
всего вам не могу написать, но мне нужны, нужны день-
ги до зарезу; один раз в жизни они только так бывают
нужны. 300 руб. серебр. спасли бы меня. Но даже 200
и то хорошо, включая сюда те 100, которые уже я про-
шил в декабре. Разумеется, я это вам пишу как другу, а
вы не издумайте сами чем-нибудь помочь! Я и то перед
вами подлецом, должен вам пропасть! Во всяком случае
перечтите мое письмо к брату. Этого, что теперь пишу
вам, ему не показывайте. Но я это отсылаю за по-
искиами к вам: расскажите ему все. Что если он, по-
добно всевозможным лялюшкам и родным в романах, сер-
дится на любовь мою к ней и отговаривает вас помогать
меня! Но ведь мне 35 лет.
Что он думает? Что я это лю-
лю из-за денег, которые он мне присыпает. Вздор! У меня
гордость есть. Я буду есть один хлеб и погибнем я и она,
но не наплою мое от него денег, посланных с таким чув-
ством. Не хочу подаяния! Мне нужно брата, а не ле-
нег! Мы с ним когда-то и вздорили, но горячо любили

друг друга, и, клянусь вам, я бы голову за него отдал. У меня дурной характер, но когда дойдет до дела, тогда я стою за друзей. Когда нас арестовали, то уж тут кажется бы в 1-ю минуту ужаса позволительно бы подумать прежде всего о себе. Что же? Я думал только об нем, о том, как поразит арест его семью, как поразит его белую жену; я умолял 3-го моего брата, которого арестовали ошибкой, не объяснить ошибки арестовавшим как можно более и послать денег брату, полагая, что у него нет. Неужели он забыл все старое и рассердился на то, что я прошу много денег и когда? — Когда для меня самый критический момент всей жизни. Напишите, как он принял вас, как вы его нашли, откровенно напишите его образ мыслей *обо всем этом деле*, и слушайте только своего золотого серца, добрейший друг; да будьте поэткровенное с Майковым на мой счет. Это правосходный человек и меня любит. Разумеется, просите держать все в секрете. 3-я просьба. Ради бога, поймите меня, помогайте мне, не думая, что я чем-нибудь могу повредить своей карьере мою любовью к ней, и 2-е) не подумайте, чтоб я поступил с нею нечестно, отвлекая ее от выгодного брака с другим, имея в виду только одну мою эгоистическую пользу. Нет ни выгоды ей в ее браке с другим, ни малодушного эгоизма во мне, и потому этого нельзя думать. В противном случае, клянусь, я готов жизнь мою за нее отдать и отказался бы от всех надежд моих в ее пользу.

Ч. Ч. ВАЛИХАНОВУ

Семипалатинск. 14 декабря 1856 г.

Письмо ваше, добрейший друг мой, передал мне Александр Николаевич. Вы пишете так приветливо и ласково, что я как-будто увидел вас снова перед собою. Вы пишите мне, что меня любите. А я вам объявляю без церемонии, что я в вас влюбился. Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения как к вам, и бог знает, как это сделалось. Тут бы, можно много сказать в объяснение, но чего вас хвалить! А вы, верно, и без доказательств верите моей искренности, дорогой мой Валихан, да если б на эту тему написать 10 книг, то ничего не напишешь: чувство и влечение дело необъяснимое. Когда мы простились с вами из возка, нам всем было грустно после целый день.

Мы всю дорогу вспоминали о вас и взапуски хвалили. Чу-
как хорошо было бы, если б вам можно было с нами
погуздать! Вы бы произвели большой эффект в Барнауле.
Я Кузнецкое (где я был ^{наме} ^{женщины} ^{умной} ^{милой} ^{супруги}) говорил ^{был} ^в ^{одной}
тогда ^{был} ^в ^{сердце}, которая лучший друг мой. Я говорил
о вас так много, что она полюбила вас никогда не видев с моих слов, объясняя мне, что я изобразил вас са-
миими красками красками. Может быть, ^{быть} ^{вам} ^{вашем} ^{вам} ^{вашем} ^{вашем}
известную вы когда-нибудь увидите и будете тоже в чис-
ле друзей ее, чего вам желаю.

Этом. Я почти не был в Барнауле. Впрочем, был на бар-
не и успел познакомиться почти со всеми. Я больше жил в Кузнецке (5 дней). Потом в Змеине и в Локте. Дем-
тинский был в своем обыкновенном юморе во все время. Семенов превосходный человек. Я его разглядел еще бли-
же. Много бы можно было вам рассказать, чего в письме не упомяну. Но когда-нибудь кое-что узнаете, а вот
теперь, когда в душе моей вдруг, неожиданно (и ждал и не ждал) накопилось столько горя, забот и страха за то, что мне *дороже всего на свете*, теперь, когда я совершил один (а действовать надо), — теперь я раскаиваюсь, что не открыл вам главнейших забот моих, и це-
лой моих и всего, что уже слишком два года томит мое сердце до смерти! Я бы был *счастлив!* Дорогой мой друг, милый Чекан Чолканович, я пишу вам загадки. Не старайтесь их разгадывать, но пожелайте мне успеха. Может быть, скоро услышите обо всем от меня же. Приезжайте, если возможно скорее, к нам, а уже в апреле неиз-
менно. Не переменяйте своего намерения. Так бы хотелось вас увидеть, да и вы, верно, не соскучитесь. Вы пишите, что вам в Омске скучно, — еще бы! Вы спрашивавшие совета: как поступить вам с вашей службой и вообще с обстоятельствами. По моему вот что: не бросайте заниматься. У вас есть много материалов. Напишите статью о Степи. Ее напечатают (помните мы об этом говорили). Всего лучше если б вам удалось написать нечто вроде своих записок о степном быте, вашем воз-
расте там и т. д. Это была бы новость, которая заинтересовала бы всех. Так было бы ново, а вы, конечно, зна-
ете, что писать (н. прим. вроде Джона Тиннера в переводе Пушкина, если помните). На вас обратили бы внимание в Омске и в Петербурге. Материалами, которые у вас есть, вы бы заинтересовали собою Географичес-

ное общество. Одним словом, и в Омске на вас смотрели бы иначе. Тогда бы вы могли заинтересовать даже *родных возможностью новой дороги для вас*. Если хотите будущее лето пробыть в степи, то ждать еще можно долго. Но с 1-го сентября будущего года вы бы могли выпроситься в годовой отпуск в Россию. Год прожив там, вы бы знали, что делать. На год у вас были бы средства. Поверьте, что их нужно не так много. Главное, с некоторым расчетом жить и новый взгляд иметь на это дело. Все относительно и условно. В этот год вы бы могла решиться на дальнейший шаг в вашей жизни. Вы бы сами *выяснили* себе результат, т. е. решили бы, что делать далее. Воротясь в Сибирь, вы бы могли представить такие выгоды или такие соображения (мало ли что можно изобразить и представить!) родным своим, что они, пожалуй, выпустили бы вас за границу, т. е. года на два в путешествие по Европе. Лет через 7, 8 вы бы могли так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей родине. Н. прим.: не великая ли цель, не святое ли дело, быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение и ваш народ относительно России, и в то же время служить своей родине, *просвещенным ходатайством* за нее у русских. Вспомните, что вы первый киргиз, образованный по-европейски вполне. Судьба же вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав вам и душу и сердце. Нельзя, нельзя отставать; настаивайте, спаряйтесь и даже хитрите, если можно. А ведь возможно все, будьте уверены. Не смейтесь над моими утопическими соображениями и гаданьями о судьбе вашей, мой дорогой Велихан. Я так вас люблю, что мечтал о вас и о судьбе вашей по целым дням. Конечно, в мечтах я устраивал и лелеял судьбу вашу. Но среди мечтаний была одна действительность: это то, что вы *первый* из вашего племени, достигший образования европейского. Уж один этот случай поразителен, и сознание о нем невольно налагает на вас и обязанности. Трудно решить: какой сделать вам первый шаг. Но вот еще один совет (вообще) менее загадывайте и мечтайте и больше делайте: хоть с чего-нибудь да начните, хоть что-нибудь да сделайте для расширения карьеры своей. Что-нибудь все-таки лучше, чем ничего.

Дай вам бог счастья.

Прошайте, дорогой мой, и позвольте вас обнять и ¹⁰⁻

написать раз 10. Помните меня и пишите чаще. Цуриков мне нравится, он прям, но я еще мало знаю его. Съедитесь ли вы с Семеновым и будете ли вместе *и* Семипалатинск. Тогда нас будет большая компания. Тогда, может быть, многое переменится и в моей судьбе. Дал бы бог! Вам *кланяется* Демчинский. Пишу вам у него на квартире за тем столом, на котором мы обыкновенно заиграли или

рят. Напротив меня сидит Цуриков и тоже вам пишет. Демчинский же спит и храпит. Теперь 10 часов вечера. Я не понимаю отчего очень устал. Хотелось бы вам написать кое-что о Семипалатинске: есть вещи очень смешные. Да не упишешь и 10-й доли, если писать как следует. Прощайте же, добрый мой друг. Пишите мне чаще. А я всегда буду вам отвечать. Может быть, рискну в другой раз написать и *о своих делах*. Поклонитесь от меня Д-ву и пожелайте ему от меня всего лучшего. Уверяте стоя, что я люблю его и искренно предан ему.

NB. С. вам *кланяется*, рассказывала, как вы ее сматывали в Омск. Она о вас помнит и очень *вами интересуется*. Adio!

1857 г.

М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Семипалатинск, 9 марта 1857 г.

Вот уже две недели, бесценный, дорогой брат, как я воротился с женой из Кузнецка, а только теперь нашел минутку, чтобы написать тебе. Дорогой мой, милый мой, ради бога, не сердись на меня, что я не с первой же почтой по прибытии пишу тебе. Ты у меня всегда в уме и в сердце. Я люблю тебя, как только можно любить. Но, конечно, ты, зная жизнь, поверишь мне, что у меня с новым порядком вещей завелось столько хлопот, забот и дел, что и не знаю, как голова не треснет. Однако я все-таки успел написать дяде и сестре (по ее же просьбе *немедленно*). Дядя помог мне и на время и обеспечен, там буду надеяться на милость божию. Сам же не опишаю буду работать еще с большою ревностью. Но ты, вероятно, потребуешь подробного описания, как уладишь мои дела. Не пускаясь в большие подробности, скажу

ту вообще, что все кончилось благополучно. Мой знакомый, на которого я надеялся в окладации помочь от дяди, помог мне и дал мне 600 руб. сер. на срок (и даже более). Вообще скажу тебе, друг мой, что не этот один человек, а многие еще и кроме него примили во мне искреннее участие. Двое еще, п.рим., хотели непременно, чтоб я взял у них денег (без всякого срока) — хотели рассориться со мной, если я не приму дружеских услуг. Я принужден был занять сверх ~~их~~ 800 руб. сереб. итого 800, которые, ~~возвратясь~~ 700 руб. сереб. в общем и окончательном итоге. Может быть, ты удивишься, брат, куда я мог девать такую сумму? Я бы и сам не предполагал, что столько истрачу; ~~но~~ было никакой возможности истратить меньше. Сборы в дорогу, экипировка моя и ее (ибо у ней было на счет необходимого не очень богато), но самая необходимая экипировка, можно сказать бедная, путешествие в 1500 верст, в закрытом экипаже, (она [больна] слабого здоровья, — морозы и дурные дороги иначе нельзя), где я платил круглым счетом за четыре лошади, свадьба в Кузнецке, хотя и самая скромная, наем квартиры, обзаведение, хоть какая-нибудь мебель, посуда в доме и на кухне — все это взяло столько денег, что и понять нельзя. В Кузнецке, я почти никого не знал. Но там она сама меня познакомила с теми, кто получше и которые все ее уважали. Послуженным отцом был у меня тамошний исправник с исправницей, шаферами тоже порядочные довольно люди, простые и добрые, и если включить священника да еще два [семьи] семейства ее знакомых, то вот и все гости на ее свадьбе. В обратный путь (через Барнаул) я остановился в Барнауле у одного моего другого знакомого. Тут меня посетило несчастье: совсем неожиданно случился со мной припадок эпилепсии, перепутавший до смерти жену, а меня наполнивший грустью и унынием. Доктор (ученый и дальний) сказал мне, вопреки всем прежним отзывам докторов, что у меня настоящая надувайка и что я в один из этих припадков должен ожидать, что задохнусь от горловой спазмы и умру не иначе как от этого. Я сам выпросил подробную откровенность у доктора, заклиная его именем честного человека. Вообще он мне советовал остерегаться новолуния. (Теперь подходит новолуние и я жду припадка.) Теперь пойми, друг мой, какие отчаянные мысли бродят у меня

в голове, что уточняю об этом говори адубин, может быть для меня настоящая надувайка, жарко, зверно, вздохи верил докторам, которые уверяли, что это просто первые припадки, которые могут пройти с исчезновением образа жизни. Если бы я наверно знал, что у меня надувайка, я бы не женился. Для спокойствия моего и для того, чтоб посоветоваться с настоящими докторами и принять меры, мне необходимо выйти как можно скорее в отставку и переселать в Россию, но как это сделать? Одна надежда! Позволят печатать, получу записи в тогда перседу. Наконец и кроме того меня пустят если припадок случится в отправлении службы. В карауле, п.рим., затянутый в узкий мундир, я задохнусь непременно, судя по рассказам свидетелей припадка, которые видели, что делается со мной грудью и с моим дыханием. Но бог милостив, только повторяю тебе в 10-й раз, пойми, как важна для меня возможность печатать. В Семипалатинск я привез жену захворавшую. Хотя я, конечно, подготовил все по возможности, но по неопытности моей и половины не было сделано из того, что нужно, и потому у нас было две недели постоянных хлопот. На этот случай приехал бригадный командир. Смотри, служба — одним словом, я совсем замотался и потому прости, что не написал сейчас же по прибытии. Жена моя теперь оправилась. Она просит тебя простить ее, что не пишет тебе теперь ничего. Она пишет и скоро. Она уверяет меня, что не приготовилась. Всех вас она бесконечно любит. Она вас всех любила и прежде, когда я (в 54-м году) читал ей всякое письмо ваше, и знала о вас все подробности. По рассказам моим, она тебя чрезвычайно уважает и все мне ставит тебя в пример. Это добро и нежность создания, немного быстрая, скорая, сильно впечатлительная; прошлая жизнь ее оставила на ее душе болезненные следы. Переходы в ее ощущениях быстры до невозможности, но никогда она не перестанет быть добродушной и благородной. Я ее очень люблю, она меня и понимает все идет порядочно. Получив деньги от дяди (которого я благодарю от всего сердца), я уплатил часть долга; теперь у меня рублей 250 сереб. есть в комоде; но ведь надо прожить по крайней мере до тех пор, пока получу позволение печатать, и потому я рад, что хоть на это время обещен. В будущее же я как-то склонен верить. Только бы дать бог здоровья. Удивительное дело: из тяжкого несчастья и опыта я вынес какую-то необыкновенную бол-

рость и самоуверенность. Может быть, это и худо. Да
бог, чтоб у меня достало столько благоразумия, чтоб
быть или не самоуверенным. Но не беспокойся и на
тоскую обо мне. Все пойдет хорошо. Но вот о тебе
сильно тоскую, бесценный, дорогой друг мой, добрый
благородный мой брат! Письмо твое я получил, благода-
рю за твои посылки (они еще не пришли), но, друг мой
мне так тяжело было, читая о тягости твоих обетов,
тельств, что ты на нас истратился! Благодарю тебя 1000
раз, а жена не знает, как и благодарить тебя. <...>

И. В. ЖДАН-ПУШКИНУ

<Семипалатинск, 29 июля 1857 г. >

Милостивый государь

Иван Викентьевич,

Когда-то Вы обратили внимание на жалкую судьбу двух несчастных, меня и Дурова, и приняли нас в Вашем доме. Я всегда слышал о Вас то, что научило меня искренно уважать Вас; доброта же Ваша к нам научила меня и любить Вас. Без боязни и доверчиво обращаюсь к Вам теперь с убедительнейшою просьбою; ибо знаю, кого прошу. Но прежде всего уведомлю Вас, что я милостию монарха прощен, произведен в офицеры, вот уже скоро год и недавно получал прежнее потомственное дворянство, что равносильно почти совершенному прощению. Получив чин, я женился на вдове моего покойного друга, которого я любил и уважал, Александра Ивановича Исаева. Я застал его в 54-м году в Семипалатинске; он тогда был без места. Но через год получил место в Томской губернии, отправился на службу в город Кузнецк и через 2 месяца умер, оставив жену и малолетнего сына. Покойный Александр Иванович Исаев часто, с величайшим уважением говорил мне о Вас. Он знал Вас лично; не знаю, помните ли Вы его? Я помню, что писал к Вам о его сиротке — сыне, придумывая как бы поместить его в Сибирский корпус, что очень хотелось бедной вдове, его матери, по смерти своего мужа пришедшей почти в отчаяние. Она подавала просьбы, писала письма — и вот решение вышло (благодаря заботливости доброго и благородного Якова Александровича Слуцкого) уже в то время, когда она, уже шесть месяцев, как сделалась мосю женой. И хоть мне грустно и тяжело отпустить такого маленького мальчика, о котором я дал

слово заботиться, из уважения к памяти его отца, отказатьсь от такого случая невозможно, тем более, что Корпусный командир сделал для него почти исключительное предложение принять его в малых летах. Сибирский же член, ибо тяжел. Мальчик слишком молод, еще дитя. Отец не расставался с родными. Ради бога, будьте ему воинственным! Обратите на него Ваше внимание. Я знаю, что Вы и без просьбы свято исполняете долг свой, о вере, и начальник; но иногда слово ласки, ободрения или снисхождения многое заменит бедному сироте. Будьте же щедроподушны! Я помню доброту Вашу, благородство Ваше потому смело прошу, в надежде, что Вы простите меня за эту просьбу.

Я теперь болен довольно опасною болезнью — падучею. Я намерен лечиться и ехать для этого в Москву. Я надеюсь, что мне не откажут въехать в столицу. В таком случае в конце зимы или будущей весной я буду проезжать через Омск и тогда лично, вместе с женой моей буду просить Вас о бедном сиротке. Я до самого последнего времени надеялся, что повезу его в Корпус сам, лично. Но меня не пустили, так как в этот год уже два раза брат отпущен; и потому я посыпаю его с доверенным человеком — человеком порядочным, почтальоном Ляпухиным, на которого я надеюсь вполне.

Простите меня, что я осмелился приложить к этому письму 10 руб. серебр. Он еще мальчик вполне, какое-нибудь лакомство может его во многом утешить. Не смею думать (а след. и просить Вас), что Вы были так благосклонны к просьбе моей и взялись сами уделить ему из этих денег; хотя обязали бы меня тем несказанно. Но у Вас есть занятия, важные обязанности — и потому я не смею и думать о такой снисходительности. Итак, если нельзя этим деньгам храниться у Вас, то вручите их кому знаете из Ваших подчиненных; всякое распоряжение Ваше будет хорошо.

Если маленькому Исаеву понадобятся сверх нужного содержания какие-нибудь издержки, то я с радостью готов удовлетворить всякое требование.

Я учил моего мальчика Вас любить и уважать как будущего своего начальника. Полюбите его, если можно, благороднейший Иван Викентьевич! Ему скоро 10 лет. Он Добр, с прекрасными наименованиями, с честолюбием (это я заметил), по-настоя-

резов и, кажется, будет страстью и горячою натурую.
За верность портрета я ручаюсь. Но согласитесь, что юли он верен, то как легко этому мальчику сорваться
пути и впасть в дурные наездности! А вместе с тем,
как легко при руководстве сделать из него прекрасного
человека!

Об этом-то я и прошу Вас, благороднейший Иван Ве-
кентьевич, будьте его благодетелем, взгляните на ~~вас~~
и иногда попристальнее, и — только! более я не смсю Вас
беспокоить моими просьбами. Что будет более, то про-
изойдет от Вашего благородного сердца. Добрые дела сво-
бодны. А я на Вас вполне надеюсь во всем.

Простите меня за эту надежду, так высказанную, и
позвольте мне

С чувством глубочайшего уважения
Иметь честь пребыть,
Милостивый государь,
Вашим покорнейшим слугою
Ф. Достоевский.

Семипалатинск

29 июля 1857 г.

P. S. Простите меня еще за мой отвратительный по-
черк и не считите за небрежность. Я краше писать не
умею.

ПРИЛОЖЕНИЯ

<СИБИРСКАЯ ТЕТРАДЬ>

- 1) Зд ты! деньги есть, а сини!
- 2) Нашего брата, дураков, ведь не скуют, а мы сами родимся.
- 3) А вам спасибо за то, что меня наблюдаете.
- 4) Подно вашим дурачествам подразнить.
- 5) Не слушался отца и матери, так послушайся теперь барыбайной инкуры.
- 6) Помилуй мя, боже, по велицей милости твоей и так дальше. Поведи меня в позицию по милости твоей и так дальше.
- 7) Вышел на дорожку, зарезал мужика проезжающего, а у него-то и всего одна луковица. «Что ж, бать, ты меня посыпал на добчу, вои я мужика зарезал и все-то луковицу нашел». — «Дурак! Луковица — ан копейка, люди говорят. Сто душ, сто луковиц — вот те рубль».
- 8) А в доме такая благодать, что нечем кошки из избы вымыть.
- 9) Кат — по малор <сосиски> палач. Положни он меня, да как отред — то весь свит напалился.
- 10) В брюхе-то у них Иван Таскун да Марья Еготишина.
- 11) Здравствуй! ты еще жив? а я по тебе поминки делал: два-два камней собакам раскидал.
- 12) Черт трое лягушек сносил, прежде чем их в одно место собрал. Такой народ!
- 13) Жулик. Намасичал его.
- 14) А у нас народ бойкий, задорный. Семеро одного не боимся.
- 15) (Старовер). При конце света отваниная река пойдет, трешинам в погибель, а святым во очищение. Все неровности и горы изгладятся. Горы-де созданы чертами, бог создал ронно.
- 16) Ну, ты! кодыма смерть.
- 17) У меня небось не украшут. Я, брат, сам боюсь, как бы чо-то не украсть (тилиснуть).
- 18) Чтоб тебя взяла чума бандерская, чтоб те язвила язвя сибирская, чтоб с тобой говорила турецкая сабля. Как вас там было (колотило), так пусть и бьет (колотит).
- 19) Небось у меня скажешь, с которого года в службе.
- 20) Солдатский галстух — присяга, пиндель — волшебница.

- 21) Смотрю вижу, человек в таком перемене (весь побледнев).
- 22) Да будь ты проклят на ссми кабаках.
- 23) У нас что взять? Ты ступай к богатому мушкому — там проси.
- 24) За тебя, старый хрыч, уж три года на том свете пронянт житье связались! Вот мы с на схватились.
- 25) На ней житье.
- 26) «Не уважай, Ванюха, не уважай». — «А я, брас, такой во-уничтожитель».
- 27) Пришлось зубы на полку положить.
- 28) Ребята! вы что знаете?
- 29) Отдай все, да и мало (чего изволите-сл).
- 30) Ну, что вы масте казати?
- 31) Придется навинкать кнута.
- 32) Фу! Как не славно, девушки!
- 33) Девицы, умницы! вы что знаете?
- 34) «А много ли, умница, возьмете бесчестья?» — «Да полтыну серебром надо взять».
- 35) Пришлось мне пройти по зеленои улице.
- 36) «Вот тут-то и дали мне двести...» — «Рубак?» — «Не, брат, налодко».
- 37) Я ведь, брат, взят от сохи Андреевны, захотел ии хлебал.
- 38) Переменил участъ.
- 39) Барин, варячий сын, посельский сын, сельскоториканский.
- 40) Эх ты, подаянная голова. Голову тебе в Тюмень подади.
- 41) Ренен, реинен; ума решился, ты умом решен. (Секатор).
- 42) Вышли мие две тысячи, дали мие пятнадцать книгиков.
- 43) У меня братия в Москве, в прохожем ряду ветром торгуют.
- 44) По находимым деньгам, по столешчине части (меняло),
- 45) Крестный отец! Тимоника! патан!
- 46) «Да кто приказал?» — «Да кто нас не боится».
- 47) Оди как несносно хлебали, поворотились и пошли пруть.
- 48) Я си: «Кому присягаться, кому присягаться: мне или сму?»
- 49) Я, брат, так испевело, что дым да коноть только пойдут.
- 50) Обругал я его на тысячу лет.
- 51) Иша я дорогою, стало мие душно. Видав я Вид-Ванчу мой ии и сантку и пятачу с грибами; ну, так и перед паком паша.
- 52) Ефим без прозвища. А он меня за ухо тянет — иши! Я лумаю, за что ж он дерется (а он доныться, не писарь ли я).
- 53) Переменил участъ.
- 54) Не суть винное.
- 55) «Тебя как зовут?» — «Махин-драло». — «А тебя?» — «А я во ним». — «Где ты жил?» — «В лесу», — «Мать-отца помнишь?» — «Ничего не помню». — «Ну, а зимой?» — «Зимы не видал, ване благородные». — «А тебя?» — «Топоров, ване благородие». — «А тобя?» — «Точи не зевай». — «А тебя?» — «Потачивай небось».
- 56) Понед служить генералу Кукушкину, махин-драло сделал.
- 57) «Что везешь?» — «Дрова». — «Как дрова, дурак, это се-веи. — «Коль сам знаешь, так чего спрашивашь?» — «Как ты можешь так отвечать? Чай ты?» — «Шиши, батюшка». — «Дурак! Я <го>ворю, чай ты? Кто у вас старше, кто всех бильше?» — «Шиши папаша, всех больши, батюшка, выгинулся». — «Дурак! Я спрашивал, кто старший, кого вы болтесь?» — «А у соседа Михаилы сунка есть, презиющая! Без палки шиши и ходи».
- 58) Винника выпить, четушку поставить.

- 59) Железные посы, нас совсем заклевали.
- 60) Да что ты со мной лимоничаешь? Чего ты со мной спичичаешь?
- 61) Эх, налачи, кадачи! Сам бы сл, да делет надо! Синие! Горячие! Ну! последний клач остался, ребята! У него мать была?
- 62) Дома не был, а все знаю.
- 63) Сек ⁶⁴ тогда, когда лавочник лежал, а не ⁶⁵ тишина. Ну, работай, работай! Деньги взял!
- 65) Вся ⁶⁶ бедность просит. Собрали слезы, послали продать ⁶⁷ «Ну, что загадели, на воле не умели жить? — за фунт хлеба пришел; а ты шкуру продал». — «Рады, что до ⁶⁸ чистили добились». — «Ты ⁶⁹ сюда деньги наживать пришел. Смотрите на него, ребята, возьмите его, ребята. Остолоп! Монумент! Телескоп проклятый!»
- 67) Иши, отъелся! Знать, тебя черт ядрами кормит.
- 68) Он, батюшка, у бабе простокиншу посл., за то и кнута хватил. Крыночная блудница.
- 69) Да вот, батюшка, уж 10-й год как я пошел странствовать.
- 70) Мы с дядей Васей королеву смерть убди.
- 71) Ну! барантику корону привели.
- 72) NB. Чего суешься с невымытым рылом в каланный ряд.
- 73) А у меня-то ни тетки, раз-так ее совсем!
- 74) Л я, брат, боинце милости майор.
- 75) «Ах ты, изявной лоб!» — «Да ты не сибиряк ли?» — «Да есть мало-мало! А что?» — «Да ничего».
- 76) Как завед меня туда господь, ах! благодать небесная! Я — иу прибирать! И накальницу, и едальницу, и хлопотиншу взял. Да и дыньков — чересседельник прибрал. У Н-^{иной} У <годинка> подбородник снял, у б-^{<городе>}ци конопинки снял да и Ваньку-то крикуна заодно сташни.
- 77) «Ах, как ледушка на бабушке огород пахал!»
- 78) А уж у меня заложено пьянее вина. А уж я того... в Бахусе.
- 79) А я-то куражусь, рубаха на мис красная, шаровары цинковые, лежу себе, как этакий граф Бутылкин, и физиономия выражает, — иу, т.е. пьян, как швц, чего изволите?
- 80) А у него на ту пору бостон, генерала съезжались.
- 81) Каждык, генеральские дочки, а носы все курносые.
- 82) Не хочу в ворота, разбирая запот.
- 83) «Здравствуйте, батюшка! Живите большие, Анкудим Трофимич! — «Ну, как дела?» — «Да пани дела, как сажа бела. Вы как, батюшка?» — «Э, батюшка, по грехам своим живем, только небо коптишь!» — «Живите большие, Анкудим Трофимич!»
- 84) Глухой не дослушает, так донышается.
- 85) Сибиряк соленые уши.
- 86) Иши разжирел! К заговению двенадцать поросят пришел.
- 87) «Что ж ты не приходила?» — «Вот! Я пришла, а вас Матильдой звали».
- 88) Старое дерево скрипит, да живет.
- 89) Иши, Пермь желторотая! Иши, пермяк кособрюхий!
- 90) «Да ты что за птица такая?» — «Да уж такая птица! — «Да какая?» — «Да такая». — «Капан, <->?» — «Капан». — «Но!» — «Леш ты, а не капан».
- 91) «Чуесте! Ты мене вид морду набьешь. Чуесте, такого гварда проблю!» — «Да молчи ты! Но-но-но! Парх проклятый!» — «Но!»
- 55) буде парх!» — «Иши пархатай!» — «Нехай буде такочки! Хоть ⁵⁶ бархатый, да богатый, гроши ⁵⁷ — «Христы прорлы!» — «Нехай ⁵⁸ ⁵⁹ ⁶⁰ ⁶¹ ⁶² ⁶³ ⁶⁴ ⁶⁵ ⁶⁶ ⁶⁷ ⁶⁸ ⁶⁹ ⁷⁰ ⁷¹ ⁷² ⁷³ ⁷⁴ ⁷⁵ ⁷⁶ ⁷⁷ ⁷⁸ ⁷⁹ ⁸⁰ ⁸¹ ⁸² ⁸³ ⁸⁴ ⁸⁵ ⁸⁶ ⁸⁷ ⁸⁸ ⁸⁹ ⁹⁰ ⁹¹ ⁹² ⁹³ ⁹⁴ ⁹⁵ ⁹⁶ ⁹⁷ ⁹⁸ ⁹⁹ ¹⁰⁰ ¹⁰¹ ¹⁰² ¹⁰³ ¹⁰⁴ ¹⁰⁵ ¹⁰⁶ ¹⁰⁷ ¹⁰⁸ ¹⁰⁹ ¹¹⁰ ¹¹¹ ¹¹² ¹¹³ ¹¹⁴ ¹¹⁵ ¹¹⁶ ¹¹⁷ ¹¹⁸ ¹¹⁹ ¹²⁰ ¹²¹ ¹²² ¹²³ ¹²⁴ ¹²⁵ ¹²⁶ ¹²⁷ ¹²⁸ ¹²⁹ ¹³⁰ ¹³¹ ¹³² ¹³³ ¹³⁴ ¹³⁵ ¹³⁶ ¹³⁷ ¹³⁸ ¹³⁹ ¹⁴⁰ ¹⁴¹ ¹⁴² ¹⁴³ ¹⁴⁴ ¹⁴⁵ ¹⁴⁶ ¹⁴⁷ ¹⁴⁸ ¹⁴⁹ ¹⁵⁰ ¹⁵¹ ¹⁵² ¹⁵³ ¹⁵⁴ ¹⁵⁵ ¹⁵⁶ ¹⁵⁷ ¹⁵⁸ ¹⁵⁹ ¹⁶⁰ ¹⁶¹ ¹⁶² ¹⁶³ ¹⁶⁴ ¹⁶⁵ ¹⁶⁶ ¹⁶⁷ ¹⁶⁸ ¹⁶⁹ ¹⁷⁰ ¹⁷¹ ¹⁷² ¹⁷³ ¹⁷⁴ ¹⁷⁵ ¹⁷⁶ ¹⁷⁷ ¹⁷⁸ ¹⁷⁹ ¹⁸⁰ ¹⁸¹ ¹⁸² ¹⁸³ ¹⁸⁴ ¹⁸⁵ ¹⁸⁶ ¹⁸⁷ ¹⁸⁸ ¹⁸⁹ ¹⁹⁰ ¹⁹¹ ¹⁹² ¹⁹³ ¹⁹⁴ ¹⁹⁵ ¹⁹⁶ ¹⁹⁷ ¹⁹⁸ ¹⁹⁹ ²⁰⁰ ²⁰¹ ²⁰² ²⁰³ ²⁰⁴ ²⁰⁵ ²⁰⁶ ²⁰⁷ ²⁰⁸ ²⁰⁹ ²¹⁰ ²¹¹ ²¹² ²¹³ ²¹⁴ ²¹⁵ ²¹⁶ ²¹⁷ ²¹⁸ ²¹⁹ ²²⁰ ²²¹ ²²² ²²³ ²²⁴ ²²⁵ ²²⁶ ²²⁷ ²²⁸ ²²⁹ ²³⁰ ²³¹ ²³² ²³³ ²³⁴ ²³⁵ ²³⁶ ²³⁷ ²³⁸ ²³⁹ ²⁴⁰ ²⁴¹ ²⁴² ²⁴³ ²⁴⁴ ²⁴⁵ ²⁴⁶ ²⁴⁷ ²⁴⁸ ²⁴⁹ ²⁵⁰ ²⁵¹ ²⁵² ²⁵³ ²⁵⁴ ²⁵⁵ ²⁵⁶ ²⁵⁷ ²⁵⁸ ²⁵⁹ ²⁶⁰ ²⁶¹ ²⁶² ²⁶³ ²⁶⁴ ²⁶⁵ ²⁶⁶ ²⁶⁷ ²⁶⁸ ²⁶⁹ ²⁷⁰ ²⁷¹ ²⁷² ²⁷³ ²⁷⁴ ²⁷⁵ ²⁷⁶ ²⁷⁷ ²⁷⁸ ²⁷⁹ ²⁸⁰ ²⁸¹ ²⁸² ²⁸³ ²⁸⁴ ²⁸⁵ ²⁸⁶ ²⁸⁷ ²⁸⁸ ²⁸⁹ ²⁹⁰ ²⁹¹ ²⁹² ²⁹³ ²⁹⁴ ²⁹⁵ ²⁹⁶ ²⁹⁷ ²⁹⁸ ²⁹⁹ ³⁰⁰ ³⁰¹ ³⁰² ³⁰³ ³⁰⁴ ³⁰⁵ ³⁰⁶ ³⁰⁷ ³⁰⁸ ³⁰⁹ ³¹⁰ ³¹¹ ³¹² ³¹³ ³¹⁴ ³¹⁵ ³¹⁶ ³¹⁷ ³¹⁸ ³¹⁹ ³²⁰ ³²¹ ³²² ³²³ ³²⁴ ³²⁵ ³²⁶ ³²⁷ ³²⁸ ³²⁹ ³³⁰ ³³¹ ³³² ³³³ ³³⁴ ³³⁵ ³³⁶ ³³⁷ ³³⁸ ³³⁹ ³⁴⁰ ³⁴¹ ³⁴² ³⁴³ ³⁴⁴ ³⁴⁵ ³⁴⁶ ³⁴⁷ ³⁴⁸ ³⁴⁹ ³⁵⁰ ³⁵¹ ³⁵² ³⁵³ ³⁵⁴ ³⁵⁵ ³⁵⁶ ³⁵⁷ ³⁵⁸ ³⁵⁹ ³⁶⁰ ³⁶¹ ³⁶² ³⁶³ ³⁶⁴ ³⁶⁵ ³⁶⁶ ³⁶⁷ ³⁶⁸ ³⁶⁹ ³⁷⁰ ³⁷¹ ³⁷² ³⁷³ ³⁷⁴ ³⁷⁵ ³⁷⁶ ³⁷⁷ ³⁷⁸ ³⁷⁹ ³⁸⁰ ³⁸¹ ³⁸² ³⁸³ ³⁸⁴ ³⁸⁵ ³⁸⁶ ³⁸⁷ ³⁸⁸ ³⁸⁹ ³⁹⁰ ³⁹¹ ³⁹² ³⁹³ ³⁹⁴ ³⁹⁵ ³⁹⁶ ³⁹⁷ ³⁹⁸ ³⁹⁹ ⁴⁰⁰ ⁴⁰¹ ⁴⁰² ⁴⁰³ ⁴⁰⁴ ⁴⁰⁵ ⁴⁰⁶ ⁴⁰⁷ ⁴⁰⁸ ⁴⁰⁹ ⁴¹⁰ ⁴¹¹ ⁴¹² ⁴¹³ ⁴¹⁴ ⁴¹⁵ ⁴¹⁶ ⁴¹⁷ ⁴¹⁸ ⁴¹⁹ ⁴²⁰ ⁴²¹ ⁴²² ⁴²³ ⁴²⁴ ⁴²⁵ ⁴²⁶ ⁴²⁷ ⁴²⁸ ⁴²⁹ ⁴³⁰ ⁴³¹ ⁴³² ⁴³³ ⁴³⁴ ⁴³⁵ ⁴³⁶ ⁴³⁷ ⁴³⁸ ⁴³⁹ ⁴⁴⁰ ⁴⁴¹ ⁴⁴² ⁴⁴³ ⁴⁴⁴ ⁴⁴⁵ ⁴⁴⁶ ⁴⁴⁷ ⁴⁴⁸ ⁴⁴⁹ ⁴⁵⁰ ⁴⁵¹ ⁴⁵² ⁴⁵³ ⁴⁵⁴ ⁴⁵⁵ ⁴⁵⁶ ⁴⁵⁷ ⁴⁵⁸ ⁴⁵⁹ ⁴⁶⁰ ⁴⁶¹ ⁴⁶² ⁴⁶³ ⁴⁶⁴ ⁴⁶⁵ ⁴⁶⁶ ⁴⁶⁷ ⁴⁶⁸ ⁴⁶⁹ ⁴⁷⁰ ⁴⁷¹ ⁴⁷² ⁴⁷³ ⁴⁷⁴ ⁴⁷⁵ ⁴⁷⁶ ⁴⁷⁷ ⁴⁷⁸ ⁴⁷⁹ ⁴⁸⁰ ⁴⁸¹ ⁴⁸² ⁴⁸³ ⁴⁸⁴ ⁴⁸⁵ ⁴⁸⁶ ⁴⁸⁷ ⁴⁸⁸ ⁴⁸⁹ ⁴⁹⁰ ⁴⁹¹ ⁴⁹² ⁴⁹³ ⁴⁹⁴ ⁴⁹⁵ ⁴⁹⁶ ⁴⁹⁷ ⁴⁹⁸ ⁴⁹⁹ ⁵⁰⁰ ⁵⁰¹ ⁵⁰² ⁵⁰³ ⁵⁰⁴ ⁵⁰⁵ ⁵⁰⁶ ⁵⁰⁷ ⁵⁰⁸ ⁵⁰⁹ ⁵¹⁰ ⁵¹¹ ⁵¹² ⁵¹³ ⁵¹⁴ ⁵¹⁵ ⁵¹⁶ ⁵¹⁷ ⁵¹⁸ ⁵¹⁹ ⁵²⁰ ⁵²¹ ⁵²² ⁵²³ ⁵²⁴ ⁵²⁵ ⁵²⁶ ⁵²⁷ ⁵²⁸ ⁵²⁹ ⁵³⁰ ⁵³¹ ⁵³² ⁵³³ ⁵³⁴ ⁵³⁵ ⁵³⁶ ⁵³⁷ ⁵³⁸ ⁵³⁹ ⁵⁴⁰ ⁵⁴¹ ⁵⁴² ⁵⁴³ ⁵⁴⁴ ⁵⁴⁵ ⁵⁴⁶ ⁵⁴⁷ ⁵⁴⁸ ⁵⁴⁹ ⁵⁵⁰ ⁵⁵¹ ⁵⁵² ⁵⁵³ ⁵⁵⁴ ⁵⁵⁵ ⁵⁵⁶ ⁵⁵⁷ ⁵⁵⁸ ⁵⁵⁹ ⁵⁵⁰ ⁵⁵¹ ⁵⁵² ⁵⁵³ ⁵⁵⁴ ⁵⁵⁵ ⁵⁵⁶ ⁵⁵⁷ ⁵⁵⁸ ⁵⁵⁹ ⁵⁶⁰ ⁵⁶¹ ⁵⁶² ⁵⁶³ ⁵⁶⁴ ⁵⁶⁵ ⁵⁶⁶ ⁵⁶⁷ ⁵⁶⁸ ⁵⁶⁹ ⁵⁷⁰ ⁵⁷¹ ⁵⁷² ⁵⁷³ ⁵⁷⁴ ⁵⁷⁵ ⁵⁷⁶ ⁵⁷⁷ ⁵⁷⁸ ⁵⁷⁹ ⁵⁸⁰ ⁵⁸¹ ⁵⁸² ⁵⁸³ ⁵⁸⁴ ⁵⁸⁵ ⁵⁸⁶ ⁵⁸⁷ ⁵⁸⁸ ⁵⁸⁹ ⁵⁹⁰ ⁵⁹¹ ⁵⁹² ⁵⁹³ ⁵⁹⁴ ⁵⁹⁵ ⁵⁹⁶ ⁵⁹⁷ ⁵⁹⁸ ⁵⁹⁹ ⁶⁰⁰ ⁶⁰¹ ⁶⁰² ⁶⁰³ ⁶⁰⁴ ⁶⁰⁵ ⁶⁰⁶ ⁶⁰⁷ ⁶⁰⁸ ⁶⁰⁹ ⁶¹⁰ ⁶¹¹ ⁶¹² ⁶¹³ ⁶¹⁴ ⁶¹⁵ ⁶¹⁶ ⁶¹⁷ ⁶¹⁸ ⁶¹⁹ ⁶²⁰ ⁶²¹ ⁶²² ⁶²³ ⁶²⁴ ⁶²⁵ ⁶²⁶ ⁶²⁷ ⁶²⁸ ⁶²⁹ ⁶³⁰ ⁶³¹ ⁶³² ⁶³³ ⁶³⁴ ⁶³⁵ ⁶³⁶ ⁶³⁷ ⁶³⁸ ⁶³⁹ ⁶⁴⁰ ⁶⁴¹ ⁶⁴² ⁶⁴³ ⁶⁴⁴ ⁶⁴⁵ ⁶⁴⁶ ⁶⁴⁷ ⁶⁴⁸ ⁶⁴⁹ ⁶⁵⁰ ⁶⁵¹ ⁶⁵² ⁶⁵³ ⁶⁵⁴ ⁶⁵⁵ ⁶⁵⁶ ⁶⁵⁷ ⁶⁵⁸ ⁶⁵⁹ ⁶⁶⁰ ⁶⁶¹ ⁶⁶² ⁶⁶³ ⁶⁶⁴ ⁶⁶⁵ ⁶⁶⁶ ⁶⁶⁷ ⁶⁶⁸ ⁶⁶⁹ ⁶⁷⁰ ⁶⁷¹ ⁶⁷² ⁶⁷³ ⁶⁷⁴ ⁶⁷⁵ ⁶⁷⁶ ⁶⁷⁷ ⁶⁷⁸ ⁶⁷⁹ ⁶⁸⁰ ⁶⁸¹ ⁶⁸² ⁶⁸³ ⁶⁸⁴ ⁶⁸⁵ ⁶⁸⁶ ⁶⁸⁷ ⁶⁸⁸ ⁶⁸⁹ ⁶⁹⁰ ⁶⁹¹ ⁶⁹² ⁶⁹³ ⁶⁹⁴ ⁶⁹⁵ ⁶⁹⁶ ⁶⁹⁷ ⁶⁹⁸ ⁶⁹⁹ ⁷⁰⁰ ⁷⁰¹ ⁷⁰² ⁷⁰³ ⁷⁰⁴ ⁷⁰⁵ ⁷⁰⁶ ⁷⁰⁷ ⁷⁰⁸ ⁷⁰⁹ ⁷¹⁰ ⁷¹¹ ⁷¹² ⁷¹³ ⁷¹⁴ ⁷¹⁵ ⁷¹⁶ ⁷¹⁷ ⁷¹⁸ ⁷¹⁹ ⁷²⁰ ⁷²¹ ⁷²² ⁷²³ ⁷²⁴ ⁷²⁵ ⁷²⁶ ⁷²⁷ ⁷²⁸ ⁷²⁹ ⁷³⁰ ⁷³¹ ⁷³² ⁷³³ ⁷³⁴ ⁷³⁵ ⁷³⁶ ⁷³⁷ ⁷³⁸ ⁷³⁹ ⁷⁴⁰ ⁷⁴¹ ⁷⁴² ⁷⁴³ ⁷⁴⁴ ⁷⁴⁵ ⁷⁴⁶ ⁷⁴⁷ ⁷⁴⁸ ⁷⁴⁹ ⁷⁵⁰ ⁷⁵¹ ⁷⁵² ⁷⁵³ ⁷⁵⁴ ⁷⁵⁵ ⁷⁵⁶ ⁷⁵⁷ ⁷⁵⁸ ⁷⁵⁹ ⁷⁵⁰ ⁷⁵¹ ⁷⁵² ⁷⁵³ ⁷⁵⁴ ⁷⁵⁵ ⁷⁵⁶ ⁷⁵⁷ ⁷⁵⁸ ⁷⁵⁹ ⁷⁶⁰ ⁷⁶¹ ⁷⁶² ⁷⁶³ ⁷⁶⁴ ⁷⁶⁵ ⁷⁶⁶ ⁷⁶⁷ ⁷⁶⁸ ⁷⁶⁹ ⁷⁷⁰ ⁷⁷¹ ⁷⁷² ⁷⁷³ ⁷⁷⁴ ⁷⁷⁵ ⁷⁷⁶ ⁷⁷⁷ ⁷⁷⁸ ⁷⁷⁹ ⁷⁷⁰ ⁷⁷¹ ⁷⁷² ⁷⁷³ ⁷⁷⁴ ⁷⁷⁵ ⁷⁷⁶ ⁷⁷⁷ ⁷⁷⁸ ⁷⁷⁹ ⁷⁸⁰ ⁷⁸¹ ⁷⁸² ⁷⁸³ ⁷⁸⁴ ⁷⁸⁵ ⁷⁸⁶ ⁷⁸⁷ ⁷⁸⁸ ⁷⁸⁹ ⁷⁸⁰ ⁷⁸¹ ⁷⁸² ⁷⁸³ ⁷⁸⁴ ⁷⁸⁵ ⁷⁸⁶ ⁷⁸⁷ ⁷⁸⁸ ⁷⁸⁹ ⁷⁹⁰ ⁷⁹¹ ⁷⁹² ⁷⁹³ ⁷⁹⁴ ⁷⁹⁵ ⁷⁹⁶ ⁷⁹⁷ ⁷⁹⁸ ⁷⁹⁹ ⁷⁹⁰ ⁷⁹¹ ⁷⁹² ⁷⁹³ ⁷⁹⁴ ⁷⁹⁵ ⁷⁹⁶ ⁷⁹⁷ ⁷⁹⁸ ⁷⁹⁹ ⁸⁰⁰ ⁸⁰¹ ⁸⁰² ⁸⁰³ ⁸⁰⁴ ⁸⁰⁵ ⁸⁰⁶ ⁸⁰⁷ ⁸⁰⁸ ⁸⁰⁹ ⁸⁰⁰ ⁸⁰¹ ⁸⁰² ⁸⁰³ ⁸⁰⁴ ⁸⁰⁵ ⁸⁰⁶ ⁸⁰⁷ ⁸⁰⁸ ⁸⁰⁹ ⁸¹⁰ ⁸¹¹ ⁸¹² ⁸¹³ ⁸¹⁴ ⁸¹⁵ ⁸¹⁶ ⁸¹⁷ ⁸¹⁸ ⁸¹⁹ ⁸¹⁰ ⁸¹¹ ⁸¹² ⁸¹³ ⁸¹⁴ ⁸¹⁵ ⁸¹⁶ ⁸¹⁷ ⁸¹⁸ ⁸¹⁹ ⁸²⁰ ⁸²¹ ⁸²² ⁸²³ ⁸²⁴ ⁸²⁵ ⁸²⁶ ⁸²⁷ ⁸²⁸ ⁸²⁹ ⁸²⁰ ⁸²¹ ⁸²² ⁸²³ ⁸²⁴ ⁸²⁵ ⁸²⁶ ⁸²⁷ ⁸²⁸ ⁸²⁹ ⁸³⁰ ⁸³¹ ⁸³² ⁸³³ ⁸³⁴ ⁸³⁵ ⁸³⁶ ⁸³⁷ ⁸³⁸ ⁸³⁹ ⁸³⁰ ⁸³¹ ⁸³² ⁸³³ ⁸³⁴ ⁸³⁵ ⁸³⁶ ⁸³⁷ ⁸³⁸ ⁸³⁹ ⁸⁴⁰ ⁸⁴¹ ⁸⁴² ⁸⁴³ ⁸⁴⁴ ⁸⁴⁵ ⁸⁴⁶ ⁸⁴⁷ ⁸⁴⁸ ⁸⁴⁹ ⁸⁴⁰ ⁸⁴¹ ⁸⁴² ⁸⁴³ ⁸⁴⁴ ⁸⁴⁵ ⁸⁴⁶ ⁸⁴⁷ ⁸⁴⁸ ⁸⁴⁹ ⁸⁵⁰ ⁸⁵¹ ⁸⁵² ⁸⁵³ ⁸⁵⁴ ⁸⁵⁵ ⁸⁵⁶ ⁸⁵⁷ ⁸⁵⁸ ⁸⁵⁹ ⁸⁵⁰ ⁸⁵¹ ⁸⁵² ⁸⁵³ ⁸⁵⁴ ⁸⁵⁵ ⁸⁵⁶ ⁸⁵⁷ ⁸⁵⁸ ⁸⁵⁹ ⁸⁶⁰ ⁸⁶¹ ⁸⁶² ⁸⁶³ ⁸⁶⁴ ⁸⁶⁵ ⁸⁶⁶ ⁸⁶⁷ ⁸⁶⁸ ⁸⁶⁹ ⁸⁶⁰ ⁸⁶¹ ⁸⁶² ⁸⁶³ ⁸⁶⁴ ⁸⁶⁵ ⁸⁶⁶ ⁸⁶⁷ ⁸⁶⁸ ⁸⁶⁹ ⁸⁷⁰ ⁸⁷¹ ⁸⁷² ⁸⁷³ ⁸⁷⁴ ⁸⁷⁵ ⁸⁷⁶ ⁸⁷⁷ ⁸⁷⁸ ⁸⁷⁹ ⁸⁷⁰ ⁸⁷¹ ⁸⁷² ⁸⁷³ ⁸⁷⁴ ⁸⁷⁵ ⁸⁷⁶ ⁸⁷⁷ ⁸⁷⁸ ⁸⁷⁹ ⁸⁸⁰ ⁸⁸¹ ⁸⁸² ⁸⁸³ ⁸⁸⁴ ⁸⁸⁵ ⁸⁸⁶ ⁸⁸⁷ ⁸⁸⁸ ⁸⁸⁹ ⁸⁸⁰ ⁸⁸¹ ⁸⁸² ⁸⁸³ ⁸⁸⁴ ⁸⁸⁵ ⁸⁸⁶ ⁸⁸⁷ ⁸⁸⁸ ⁸⁸⁹ ⁸⁹⁰ ⁸⁹¹ ⁸⁹² ⁸⁹³ ⁸⁹⁴ ⁸⁹⁵ ⁸⁹⁶ ⁸⁹⁷ ⁸⁹⁸ ⁸⁹⁹ ⁸⁹⁰ ⁸⁹¹ ⁸⁹² ⁸⁹³ ⁸⁹⁴ ⁸⁹⁵ ⁸⁹⁶ ⁸⁹⁷ ⁸⁹⁸ ⁸⁹⁹ ⁹⁰⁰ ⁹⁰¹ ⁹⁰² ⁹⁰³ ⁹⁰⁴ ⁹⁰⁵ ⁹⁰⁶ ⁹⁰⁷ ⁹⁰⁸ ⁹⁰⁹ ⁹⁰⁰ ⁹⁰¹ ⁹⁰² ⁹⁰³ ⁹⁰⁴ ⁹⁰⁵ ⁹⁰⁶ ⁹⁰⁷ ⁹⁰⁸ ⁹⁰⁹ ⁹¹⁰ ⁹¹¹ ⁹¹² ⁹¹³ ⁹¹⁴ ⁹¹⁵ ⁹¹⁶ ⁹¹⁷ ⁹¹⁸ ⁹¹⁹ ⁹¹⁰ ⁹¹¹ ⁹¹² ⁹¹³ ⁹¹⁴ ⁹¹⁵ ⁹¹⁶ ⁹¹⁷ ⁹¹⁸ ⁹¹⁹ ⁹²⁰ ⁹²¹ ⁹²² ⁹²³ ⁹²⁴ ⁹²⁵ ⁹²⁶ ⁹²⁷ ⁹²⁸ ⁹²⁹ ⁹²⁰ ⁹²¹ ⁹²² ⁹²³ ⁹²⁴ ⁹²⁵ ⁹²⁶ ⁹²⁷ ⁹²⁸ ⁹²⁹ ⁹³⁰ ⁹³¹ ⁹³² ⁹³³ ⁹³⁴ ⁹³⁵ ⁹³⁶ ⁹³⁷ ⁹³⁸ ⁹³⁹ ⁹³⁰ ⁹³¹ ⁹³² ⁹³³ ⁹³⁴ ⁹³⁵ ⁹³⁶ ⁹³⁷ ⁹³⁸ ⁹³⁹ ⁹⁴⁰ ⁹⁴¹ ⁹⁴² ⁹⁴³ ⁹⁴⁴ ⁹⁴⁵ ⁹⁴⁶ ⁹⁴⁷ ⁹⁴⁸ ⁹⁴⁹ ⁹⁴⁰ ⁹⁴¹ ⁹⁴² ⁹⁴³ ⁹⁴⁴ ⁹⁴⁵ ⁹⁴⁶ ⁹⁴⁷ ⁹⁴⁸ ⁹⁴⁹ ⁹⁵⁰ ⁹⁵¹ ⁹⁵² ⁹⁵³ ⁹⁵⁴ ⁹⁵⁵ ⁹⁵⁶ ⁹⁵⁷ ⁹⁵⁸ ⁹⁵⁹ ⁹⁵⁰ ⁹⁵¹ ⁹⁵² ⁹⁵³ ⁹⁵⁴ ⁹⁵⁵ ⁹⁵⁶ ⁹⁵⁷ ⁹⁵⁸ ⁹⁵⁹ ⁹⁶⁰ ⁹⁶¹ ⁹⁶² ⁹⁶³ ⁹⁶⁴ ⁹⁶⁵ ⁹⁶⁶ ⁹⁶⁷ ⁹⁶⁸ ⁹⁶⁹ ⁹⁶⁰ ⁹⁶¹ ⁹⁶² ⁹⁶³ ⁹⁶⁴ ⁹⁶⁵ ⁹⁶⁶ ⁹⁶⁷ ⁹⁶⁸ ⁹⁶⁹ ⁹⁷⁰ ⁹⁷¹ ⁹⁷² ⁹⁷³ ⁹⁷⁴ ⁹⁷⁵ ⁹⁷⁶ ⁹⁷⁷ ⁹⁷⁸ ⁹⁷⁹ ⁹⁷⁰ ⁹⁷¹ ⁹⁷² ⁹⁷³ ⁹⁷⁴ ⁹⁷⁵ ⁹⁷⁶ ⁹⁷⁷ ⁹⁷⁸ ⁹⁷⁹ ⁹⁸⁰ ⁹⁸¹ ⁹⁸² ⁹⁸³ ⁹⁸⁴ ⁹⁸⁵ ⁹⁸⁶ ⁹⁸⁷ ⁹⁸⁸ ⁹⁸⁹ ⁹⁸⁰ ⁹⁸¹ ⁹⁸² ⁹⁸³ ⁹⁸⁴ ⁹⁸⁵ ⁹⁸⁶ ⁹⁸⁷ ⁹⁸⁸ ⁹⁸⁹ ⁹⁹⁰ ⁹⁹¹ ⁹⁹² ⁹⁹³ ⁹⁹⁴ ⁹⁹⁵ ⁹⁹⁶ ⁹⁹⁷ ⁹⁹⁸ ⁹⁹⁹ ⁹⁹⁰ ⁹⁹¹ ⁹⁹² ⁹⁹³ ⁹⁹⁴ ⁹⁹⁵ ⁹⁹⁶ ⁹⁹⁷ ⁹⁹⁸ ⁹⁹⁹ ⁹⁹⁰ ⁹⁹¹ ⁹⁹² ⁹⁹³ ⁹⁹⁴ ⁹⁹⁵ ⁹⁹⁶ ⁹⁹⁷ ⁹⁹⁸ ⁹⁹⁹ ⁹⁹⁰ ⁹⁹¹ ⁹⁹² ⁹⁹³ ⁹⁹⁴ ⁹⁹⁵ ⁹⁹⁶ ⁹⁹⁷

- 130) Ты на всех зверей похож.
 131) «Как живешь?» — «Да по дыньку на день».
 132) Одна была песня у волка, и ту перенял.
 133) Тебя вместо сороди быть можно. Одежи рублей на будст.
 134) Кому Лука, а тебе Лука Кузьмич; кому Лука Кузьмич, а тебе ~~дядюшка~~.
 135) А! только так языком болтает, себя веселит.
 136) Хорошо! Я-то, полонин, тулак, а вы-то в Полтавской губернии подавились.
 137) Остолоп! Никакой фартикультиности нет.
 138) Прогорел, — разинувшись! Теперь ничего нет, а подожди, так и ничего не будет.
 139) Да ведь и мыны, брат, голой рукой не бери.
 140) От отца ничего не останется, а от вора все что-нибудь да останется.
 141) Ты говори тому, кто не знает Фому, а я брат сму.
 142) А я тебя и бывал, да не хвастаю.
 143) «Которой губернии?» — «Да у нас не губерния, а уезда. А ездил-то брат, а я дома сидел, так не знаю».
 144) Нет ничего! пши!
 145) Наш брат Санка. Со всем Максим, и шапка с ним.
 146) А наши Максими, и шапка с ним, совсем готов!
 147) Ишь, надулся, как мышь на крупу.
 148) А в поле четыре воли!
 149) «А в котором году?» — «Да в сорок не в нашем, братец. Ну, так вот» и т. д.
 150) «Здорово, ребята!» — «Курские, ваше благородие! — «Что! которой губернии?» — «Женатые, ваше благородие! — «И дети есть?» — «Есть двое, у меня трое, у меня семеро!» — «Что ж, вам небось жаль детей-то?» — «Чуден ты человек, ваше благородие! Как же своего родного детинца не жаль будет!»
 151) Избани, господи, от врага и супостата и от инвалидного солдата.
 152) Стоеросовый (стон, прямо растет).
 153) «Что ты так ободенся?» — «А что, братан Петрович, ^{сверхко} на дворе, прозаб!»
 154) Прежде Ваня огородом копал, а нынче Ваня в восходы попал.
 155) Дома лаптем ци хлебал, а здесь чай узкал.
 156) Эх ты! Маринобруновы дворянин!
 157) Сдал я ему книги и колодка и все перконные дела.
 158) Я смотрю на него, как черт на попа.
 159) «Да дашь того?» — «Да лам, лам!» — «Да нет, ты знаешь что? Того, что мыши не едят».
 160) А что, любишь? На-ко-ся, берени!
 161) Он вина не пьет, с волы пьян пьвет.
 162) Да нынче пасха на апрель живет.
 163) Хоть без ребрушка ходить, да солдатика любить.
 164) Хорош, как дедушка из-под 9-й сван.
 165) Да тот бог, что мельницы ломает.
 166) Я с вами рада часы делить, только при вас как-то ^{состо} вести не соберу.
 167) Грека, чесвака, пятитка, полник.
 168) Тот бог, другой бог, а Маданыги больше!
 169) Умел людей резать, теперь ломай зеленую улицу, ^{половину} ряды.
- 170) Ощи добить. Я из него огня добывал.
 171) Люблю кататься, люби и саночки ~~возить~~.
 172) Поводырь был, гвартсов водил, у них головы таскал.
 173) Режь (хлеб) со лба (перекрестясь).
 174) Мушик — медведская пятка.
 175) На грош, что ли, аль на два? Ну, режь на два, тускай ^{зажигают}.
 176) А уж известно, кто празднику рад, тот спозаранку пьян.
 177) Так не отдань денег! Эй, на том свете сам придишь ^{не возьму}.
 178) От меня работа не заплачет.
 179) «Ну, батюшка, как поживае?
- «Э, батюшка, день да
- 180) «А им то есть как изволите быть, без документа?» — ^{нет-с, и по документу.} — «Так-с! А смеху нас ^{просить}, вот мы разделили да и деньжонками-то не разжились, подшотофика благо-^{дарю, памя! — «С моим полным удовольствием!»}
 181) Ну, разжалел я тут у жида на две сти рублей.
 182) Танк дуришик, як сало близ книга, и мудреный, как буб-^{ни конца, ни начала.}
 183) Я сму бачу — ни! А вин, бисов сын, все пишет, все пишет! Ну, бачу собы, да шоб ты сдох, а я б подышавися! А вин все пишет, все пишет; да их писав! Тут пропала моя головушка!
 184) Изваленная крыса, Изваленная Петрович. Невален.
 185) Бисова дитина! Чего вино за мнай ходит!
 186) А что мы думали, что я вам теплоух ^{дался, ничего не}
 187) Не понял! Нет, брат, все пошли! Ты, брат, за дугу, а ^у телеге сижу.
 188) Не ходи ^в парантин, не лей испунтов, не играй на беленд-^{расе!}
 189) Две лени вошли в сад. Легла одна лень под избочиной. «Ах, каких, говорит, спишие яблочки; вот кибы сорвалось да ^{из} рот». А другая лень: «Экая ты лень, лени! Как тебе говорить-то не лень?»
 190) Двоедан, большие кресты, крыжаки.
 191) А я все на печи сидел, на дворянской вакансии.
 192) При милости на кухне.
 193) Да что ты, сударь, икним дурачествам подражать ^{изволи-}
 194) А я, сударь, ничем не занимствуюсь, ^{ничинка} не пью, ^{сами пишут}. Плохое дело, коли чем занимствуется человек.
 195) Бедный, как пятак медный.
 196) «Здравствуй!» — «Ну, здравствуй, коли не шутишь».
 197) Не мой конь, не мой воз. Кто в деле, тот и я ответствен.
 198) Ты, брат, моя не знал? Я, брат, Кольцов, не ^{найти} конь.
 199) Ну, коли я испранцу сказал, щоб ты сдох.
 200) Ну, здорово были! (Здорово почевали?)
 201) Ну мом пусть рябак, нехорошая, зато у ней сколько ^{живет}.
 202) (Жил.) Ты меня ударишь об пол один раз, а я тебя десять.
 203) Вытащили мы жида из телеги.
 204) Меня можно, а заседателя не смеша.
 205) Смотрим, идут дас суфлеры.

- 206) Иль, совести нет, глаза-то не свои, разные; иу, погрыст!
 207) (И он повесил нос, как старый Воробей, которого привели на казнь.)
 208) Начал, брат, он меня обувать.
 209) Задал столько, что в два ста не складешь.
 210) Сено-то в сапогах ходит.
 211) Да ты чего на меня! Я тебе столько посредственников приведу.
 212) Ну, тут и моя конечка умылась.
 213) Из-под девятой сваны, где Антина беснятый живет,
 214) Салфет вашей милости,
 215) Крупиншица, белолипа,
 Распинает, как синица,
 Милая моя!
 Она в платьице атласном,
 Гарнитуром прекрасном,
 Очень хороша!
 Погодя того
 испиножко
 Без меня
 меня женили.
 216) Да, ты, брат толето знаешь.
 217) Такой болтливый язык. Я думако, отрезать его да выбросить на навозную кучу, так он гд-там будет болтать, все болтать, пока ворона не склюнет.
 №№) Иль, толстая рожа, в три дня не <-->.
 218) Погодя того испиножко,
 Акулини муж на двор.
 219) Да уж такой-то я был в мужиках: ни уха, ни рула не знал
 220) Покамест служил в мужиком полку.
 221) Честь ледут да дают, так пей.
 222) У голодной куме и хлеб на уме.
 223) Трубка — чертова ножка, самоварный кран — змеиная головка.
 224) Холод такой в избе, что хоть зайца гоняй.
 Ах ты, батюшка медведешна,
 Задани мою коронушку...
 225) Прежде, брат, я много винов подымал.
 226) Ты что сидишь, глаза продась?
 227) «На свои купил?» — «Какое! в долг, до капитанского жалованья».
 228) Да же сегодня четыре приходили: Марьшка приходила, Харошня приходила, Чекуна приходила, Двугроповая приходила.
 229) А чего ладишь делать?
 230) А вот горох поспеет, другой год пойдет.
 231) В субботу сто лет минет.
 232) «Что ж ты небось мастерство имел?» — «Да пробовал сапоги тачать, всего-то одну пару стачал». — «И покупали?» — «Да нарывался такой, что, видно, бога не боялся, отца-мать не почитал, наказал его господы!»
 233) Будь злоров на сто город, а что жил не в злеч.
 234) Эх, старинушка! Побойся бога, смерть у порога!
 235) Ты сегодня помри, а я завтра.
 236) Да мне-то ничего! А начальству кошель.
 237) Растворялся, пропечалился.

- 238) «Продась?» — «Купи!» — «Чего стоит?» — «Денег стоит».
 239) «Врешь!» — «Сам сорви, Косматчи».
 240) Да сие коленом напинал меня сзади.
 241) Ну да прощайте! спасибо за башни, да вольный дух,
 242) «Эх, брат! все такая доска да перепою попала, нет фарту, что хошь возьми».
 243) Он меня дернул.
 244) А тут фарт зашел, мне руха зашла, я давай их лупить.
 245) Да, подымешь, небось! И ты же подымешь, да и лед твой, молодец, приди — и тот не подымет.
 246) Эх, брат! ворон ворону глаз не выклост.
 247) Деносицу первый кнут.
 248) У хозяина шея толстая (богат), небось, сдюжит.
 249) А ты припых жеваное есть. Тебе небось разжуй да в рот ролики.
 250) Нет, мамонька...
 Мужик рубит дрова жиуд и крихтил
 — А дено зе ты крихтиш?
 — А чтобы легче было, жиуд.
 — Ну, ты руби, а я буду крихтеть, —
 Крихтел, да потом лениги стал вычитать при расплате: я, дескать, крихтал, тебе легче было!
 251) Шапку заломал на четыре беды.
 252) В тебе так смазли, что ты у меня двадцать светов увидишь.
 253) Нашего брата без дубины не уверишь,
 254) Натрескался я широка, как Мартыны мыла.
 255) Ты бы встал да попшел, тебя хоть бы ветром обдуло.
 256) Дальши положишь, ближе возьмешь.
 257) Трем курам коруму раздуть обочится.
 258) Да что ты мне рассказывашь бабушки сол.
 259) Эх вы, два Демида!
 260) Ошибку в фальши не ставят.
 261) Иль, умен стал! Астролом! Все божий планыши узнал.
 262) Научишись небось шилом молоко хлебать.
 263) На чужой кусок не разевай ротон, а раньше встазай да ской затей.
 264) Копиши, кошиши да черта и купиши.
 265) Да уж такая-то девица-собутыльница!
 266) А вы, матушка, не слушайте, у вас золотом уши завешаны.
 267) Какой я тебе брат? Рубля вместе не прошили, а брат!
 268) А наши дохишки, сами знасте, либо сена клок, либо вилы в бок.
 269) Все чипы произошли.
 270) Господи, как подумашь, сколько греха-то на людях.
 271) За тычком не гонись.
 272) А ты меня и бей, да только хлебом корми.
 273) За сто раков не соглашусь. Вот сейчас, на пробу, сто раков давай, право, не соглашусь.
 274) Дали мне пятьдесят с тиком.
 275) А ты день не ешь, другой погоди, а третий опять не ешь.
 276) — Был тут Фома Кузьмич?
 — Был, да весь вышел; в что?
 277) У меня ль, малой,
 Дома убрано:

Ложки вымыла,
Во щи вылила,
С косяков скребла,
Пироги спекла.

- 278) Да нет; я уж лучше сапогу поклонюсь, а не ланито.

279) А какая тут еда? Хоть бы теплом пустить, так обмерз.

280) Сено есть, а из хором мы у него тепла не уносите, ибо
всего просим.

281) «А есть деревеньки?» — «Да, два снетка. По оброку в
Ладожском озере ходят».

282) Не хотел шить золотом, теперь бей нами мозготом.

283) Не делай свое хорошее, а делай мое дурное.

284) Что там у них за огород? Просто черт в корзине пас да
растрос.

285) Надпись на книге: «Супруга, милосердная луна. Благо-
родная, учтивая, обращательная, всем хороша».

286) «Ну, что, мать мой, зачем пришла?» — «С донукой, ба-
тюшкой! К твоей милости, вот то-то и то-то».

287) Эй ты, зюхорылый!

288) Свяжись-ка со мной! Небось только тепло да мокро из
тебя станет.

289) Вали! во что кривая не вынесет!

290) Дай бог нашему теленку водка съестъ.

291) А я, батюшка, с вас воли не съмлю. Как логите, так и
делайте.

292) Отец мой не кланялся да и мне не велел.

293) Попал в поле, как в конейку.
Осталось только попасть.

294) Свяжии голову, по волосам не плачут.

295) Свят небесный воссияет,
Барабан зорю пробьет,—
Старший двери отворяет,
Писарь требовать идет.

Нас не видно за стеклами,
Каково мы здесь живем;
Бог, творец небесный, с нами,
Мы и здесь не пронаедем.

Не увидит взор мой твой страны,
В которой я рожден;
Терпеть мученья без пины
Навек я осужден.

На кровле филин прокричит,
Раздастся по лесам,
Заноет сердце, загрустит.
Меня не будет там.

296) Так для дела, брат, дальнего и выбирают, а уж не нашего
брата.

297) Да это чехол, а не человек.

298) Да это, брат, мне дороже кисева.

299) Липо, как воронье яйцо.

300) Да уехал-то бы я давно, да золоторогих быков под экипаж
спе не достали.

301) Да у его милости сегодня на чердаке нездороно (пьян или
б ума сошел).

302) Понимать-то я вас понимаю, да не подымаю.
303) А гнус, брат, слово ни к чему не подходит.
304) А горя-то, горя — корыта краю нет!
305) «Ну что, брат?» — «Да что, сударь, статья небольшая, да
306) ~~подишка~~ — вот то-то и то-то.
307) Был у меня от батюшки дом двухэтажный каменный Ну
308) два-то года я два этажа и спустил, т. е. остались мыс только
309) в коротк мороз со всего белого света так и жарит.
310) Ходит, точно рельку садит (нагибается с каждым шагом).
311) Да это, брат, штука капитана Кука.
312) Эх ты сморозил!
313) На-то, брат, возьми закуси!
314) Ну да я им там кинулся в нос. Помнить будут.
315) А ты знай, помалчивай.
316) Перед дураком шапки не снимают.
317) Любил мелок, люби и холодок.
318) Он у нас в человальниках сидел, а по прозвищу Гришка
Тема 7 Нюхак
319) Ну и мою Алинушку нельзя перед другими похвалить,
320) и похудить, а так что из десятка не выкинешь.
321) Да уж вранье дело, багацюка?
322) Да уж такой-то человек, отца на нало.
323) Послал я и мою слезину (просительное *посы* получила).
324) А вы меня извините, я (шелкнув по воротнику) —
Вот я — так дело другое, — капли в рот не беру, все за гадстух
325) Дурак любит красненько.
— Да что ж, когда здесь ничего не найдешь.
— Это еще ничего-с, что ничего не найдешь.
326) А вот я знал подишка, всех их амбиции дыбами ~~известо~~ о
такими местами; есть цо *купить*, ийма цо по.
327) А по-нашему, хоть на час, да вскачь.
328) Слушай да всякое слово считай. Вот тебе свет пополам
тебе полсвета в мое полсвета (будет с нас обоих); иди да не
зайдешь павстречу. Слыши?
329) Вот нашли мы с ней. На мне смущачья шапка, тонкого
сукна кафтан, шаровары широкие; она в новой заячьей шубке
платочек шелковый, — т. е. я ее стоя и она меня стоит, вот
именем.
Рассказ о том, как жену убил.
330) Рано, его в солдаты берут, я сто любовница. И на что она
мне сказала. *<1 нраб.* Ночью зарезал и все думал, что
делать.
331) Так-то, так, а значит не все дамы у сто *милосты*.
332) «Значит: два ведра воды и одна луковица — Французский
сундук *la sante*. — «А по-нашему, так полтрушки табаку да гра-
фин волки — вот и сыр».
333) А на всякий роготок не паничить платок.
334) А это они на меня там набухвостили (наскажали, на-
клевстали, *назрала*).
335) «Что ж, его сыскали?» — «Тишина-то? в *мешке*»
336) Ну, возьми кружку да иди собирать на каминное пост-
роение, да табачное разование.
337) Сам лежит, бог уши, молчал бы, а все *сбирает*, ты что
обираешь (высчитывает свои обиды).

- 334) Глава мозолить, язык мозолить. Что ты горчишь передо
 мной, глаза мне мозолишь?
 С тобой говорить, язык мозолить.
 335) Сбирает со всего света! Да уж такая у него наизути,
 чтоши скажет, то скверт.
 336) Пену подбить, выздотить, за новое пойдет.
 337) Ты здесь *тамъка* хлеб научился есть.
 338) Нет, брат! дело по делу, суд по форме, — давай!
 339) Что ж делать. Не у всякого жена Марья! Понадел в жи-
 шок!
 340) Ну, брат, меня там и прославили и ославили.
 341) А что ты, старушка, не растешь?
 342) «Ты кто?» — «Да я-то, брат, покамест еще человек, а
 ты-то кто?»
 343) Начали мы его бить. Два часа прожил на кулаках, су-
 кин сын, крепок!
 344) Эк дурь-то из себя чатащил; очисис!
 345) Вот нужно жениться бедному! Женись — а и лоть корот-
 ка.
 (Я с тобой до седых волос торговаться буду.)
 (А и весь-то ты — бранное слово; вот ты что, а не человек!)
 346) А ты больше знай, да меньше болтай, — крепче будет.
 347) Бей крепче, будет мальце.
 348) «Гей, скорей!» — «Скорей скорого не сделаешь, Подожди!»
 349) По пояс в воде, а пить просит.
 (Две рукавицы за поясом, третий ищет).
 350) Колы я плут, так и ты тут.
 351) Свечи-то горят стекляниновые.
 352) Рубль двадцать взял за аршин, и то по 10 копеек уступ-
 чил почтися.
 353) Умен!. Так ею сверх земли положить, что ли?
 Похорошить надо, люди говорят.
 354) Бывало, Петр через Москву прет, а ныне Петр веревки
 плут.
 355) И выходит, ты врал, а я не разобрал.
 Что, Маметка! твоя врала, моя не разобрала?
 Пьяный светчки не поставит.
 356) «Говорю си: где была?» — «А я, мать моя, у столана бы-
 на; 12 евангелий читали».
 357) Ах ты, память у меня девушинина!
 358) Ну и не любят выпить, т. е. по две недели запоем. В
 картины тоже — наше дело заняться.
 359) — Так чтоб был здесь!
 — А мне *его* купить, что ли? Где я его найду?
 360) — Да и совсем исскладно.
 — Хоть исскладно, да тосто.
 361) Ну, здравствуй, говорю, иллюмъчий человек, от кого и как?
 362) Спрашивают не старого, а бывалого.
 363) Ты честный? Нет, брат, ты и не стоял подле честного, да
 и с виду-то не знаешь, каков он собой.
 364) А он словно воды в рот набрал, молчит себе, да и
 только! <*I прраб.*>
 365) Э, чего мыть! С чистоты не воскреснешь, с потами не
 треснешь.
 366) Да ведь всей работы не переработаешь, будет с мени.
 367) Эх вы, донцы-молодцы!

- 368) А пинчалика-то из нем такая коротенькая, что только
 цепь от долгов бегать видно, с чужого плеча.
 369) Нет уж, я, брат, этого по гроб моей жизни не забуду.
 370) «Да за что?» — «Да за что почтесь». — «Нет, брат, «
 да засплюсь с моим
 из том свете».
 371) «Пора домой». — «Да куда же так скоро, батюшка, сиди-
 будьте при местес». собирался к вам писать, да как-то руки не доходили.
 Уходомъ вас, что от сего письма остаюсь совершенно здоровъ а
 и живу по-прежнему, ни толще, ни тоньше.
 373) Где та мышь, чтоб коту японок привесила?
 374) У соседа женка хороша, так и нам всем надо.
 375) У бедного ребята, у богатого телята.
 375) А то золотой ящик купи да медный грот положи.
 376) Неправда! А ты сначала сделай, чтоб неправда была, а
 потом и говори, что неправда. Сам ты неправда!
 377) Я с ним пинком! Да я не знаю, как у него в дверь-то
 отворяется.
 378) Что ты мне свою моську-то выставил; плюнуть что ли в *пое*.
 379) Был в Париже, был и ближе.
 380) Про жену. («Ты там засиделася.») «Я засиделася» Да
 сорока на коле долыше, чем я у них, посидела.
 381) Старому волку везде дорога.
 382) Я лгу! Да вот тебе великое слово, во дну.
 383) НЕ. (Мало ли живет, что почтой пропадают.)
 (Письмо Петра к кипию Кесарю от 9 мая, из Амстердама,
 1698 г.)
 «Ах, девки!» (восклицание, особенно старика. Или, по-
 хватывая головою: «Ах, девки-девки! Ах, девки-девки!»)
 383) А уж моя, известно: и первая чарка, и первая палка.
 384) Придет на час, а просидит чухонский месяц. Влюблен,
 как копка. Жена говорит: речь, в солдаты берут. Стали мы до-
 жидаться, плакал с ней, а ночью зарезал.
 385) Нет, брат, одиннадцатый час: теперь не придет, теперь
 только собаки лают.
 386) Не хотите работать: что ж мне на вас чехлы надеть да
 вирюк положить аль за деньги показывать?
 387) Ну так что ж было попусту *изыном* молотить?
 (<*I прраб.*, 5 июни.)
 388) Уж тут не до жиру, а быть бы *изыну!*
 389) Чему посмеешься, тому и поработаешь.
 390) А что будет спине, то и хребту.
 391) Лялям отдать жалко, девять искуда.
 392) Поручился — теперь складай картан; порука — наука!
 393) А мне везде рай, был бы хлеба край.
 394) Чу! меня там, чай, потеряли; пойду!..
 395) Да и ума тоже в голове не много держат; много, брат,
 ума. Вана, тоже недадно.
 396) — Смотри не болтай.
 — Да уж никому, кроме базару.
 397) Нет, говорит, не хочу.
 Ну, вот поди ты с ним, растоскуйся!
 398) Дворик у него чистенький, как карточка. (<*I прраб.*>,
 28 августа).
 399) Две-то тысячи она с ним и прокатила.

- 400) «Ну, и я там писалъ.— «А теперь что ис пишешь?» — «Д
 вот как первыми начали писать, так уж я и отсталъ».
 401 А сам рад человека в ложне воды утопить.
 402 А честь, батюшка, дороже славы.
 403 Прежде-то я куда была толстая, а теперь словно иглу
 проглотила!
 404) И так нахлестался чазо, что одынка взяла, а внутри ~~и~~
 будто в бутылке болтается.
 405) Ах ты, ~~занудой~~ звостроплазый, разторпелись глаза на ~~ч~~
 чное добро.
 407) Эх, шина-то соглаша, отказалась!
 408) Эх ты, огрызок собачий.
 409) Что зубы-то моеши, бесстыдница? Чему смешно?
 410) Ну, что ты сорочиша.
 Встала недавно, понима нехорошо. Вот житъе (?) мое.
 411) Жили — не люди, померли — не покойники.
 412) Это ведь не башмак, с ноги не сбросишь.
 413) Двоим любо, третий не суйся!
 НВ. Шэршавый человек.
 414) Так что души у праздника.
 415) Пошли мы с мамонькой титюльную бумагу покупать.
 — Какую?
 — Титульную — вот на которой прошения пишут.
 416) — Да ведь колесо-то хорошее.
 — И того лучше едет.
 417) За 100 верст кисселя есть едина.
 418) Обе невесты; сватают — так или, а то что, солить, что
 ли, вас?
 419) Он мне и говорит; такое кисловое оправдание, любезный
 друг, составляет стыд твой голове. А лучше сознайся, что все
 это пьяниство через твое виностололство.
 420) А водичка у него из Киева нешком принцип.
 Вильнерепчиков.
 425) И госткливо и грустливо.
 Ну! ~~спит~~, сидят да и сидут.
 426) Да их там, как собак перезаных. <4 краб.>
 427) Ну да чего ж ты, Макара, что ль, ~~высиживши~~, на одном
 месте-то?
 428) Да он у нас белый не ходит, а все такой черномазый.
 429) А этот смех ~~санации~~ найдет.
 Жирно слизи, отого и обедели.
 +1 краб.> 20 марта.)
 430) А за ним, изволите видеть, были многие качества.
 431) Да ты что знаешь? Ты ~~вдос~~ сидел, угол гноил, а он
 с ветру пришел, больные ~~снает~~.
 432) «Не забудь» — «Нет, не забуду, досуг ли нам забывать?»
 433) — Как дурак был, так дурак и есть; дурак уехал, дурак
 в назад приехал.
 — Коли я дурак, так ты родом так.
 434) Нет, матушка, погоди, это ведь рубля стоит.
 Мортен фри, нос утри.
 435) Это тюжокдум; у него денег много.
 <1 краб.> 8 мая.
 Эй, ты, Разговор Петрович.
 436) А склонили мы эти, сударь, так сказать, тихими стопами, —
 (Эй ты, милый ~~сын~~...)

- 437) Вот мы с плем мухи и заданиши.
 Что ж, брат, мы люди хорошие, — выпьем.
 438) Свету, моему привету, тайному секрету, Василью Петро-
 вичу.
 439) Вот я тогна же съезнил его по ~~полозам~~ (по трубам).
 Жаловатьсь? Оправда <илю(?)> прошил <есот(?)>
 «А хороший человек?» — «Да о праздниках перед обедней
 коропи». NB. (река в трубе).
 440) Хлеб-соль еши, а правду режь.
 441) Жене. «Выбрали молодца, не пеший на отца».
 442) На дес излиянин, так лес винет (17 августа).
 443) Так похудел, что сквозь запертые двери пройдет.
 444) Сапоги — красный и черный. «Да, наше благородие, там
 парных, там тоже красный и черный остались».
 445) А тут барин гостям такую откупорку задал, вино шато-
 дровицкое.
 Ведь вот врет народ! И откуда что берут? во что ~~пла-~~
 446) — А придет назад?
 — Не удавится, так воротится.
 447) А тут как на старые дрожжи влив два шкапика и сызно-
 ва ~~дмы~~.
 448) Курину резать позволено.
 Курица не человек, а всякая домашняя птица. Ее в синь
 холовенку показано. Когда птицу режут, она *радуется*.
 449) Хватил шилом патоки!
 НВ. Хорошо есть, а дурная так в честь!
 (26 сентября <18>50. Оникадане).
 Черного кобеля не отмены добела.
 450) Жива душа — нальчина хочет.
 451) Я хоть и в саже, да никого не гаже.
 452) Посмотрим, брат, какое ты оправдание произнесешь.
 Суленая скотина и дома не иннотана.
 (17 оптиб <ра>.)
 453) Посмотрим, брат, какое ты оправдание произнесешь.
 Суленая скотина и дома не иннотана.
 454) Эй ты, кума, а решете приплыла?
 — Что барин у тебя?
 — А ничего барин; что ему!
 — Все воду пьет? (гидронат)
 — Пьет, все пьет, куда и него лежт?
 — В брюхе-то небось караси завелись.
 — Подействуйте, батюшка, своею машвиною.
 455) Не бери липинго, побойся липинго.
 456) А ~~доминго~~ хоти гицой, да свой.
 Жене. «Душа ты моя, ягода, люблы я тебя ~~дай~~ года».
 457) Эх, батюшка, что нам делать на свете. Дал бы бог летей
 подлинуть, а там хоть бы и на покой.
 458) Существует пословица: поселенец, что младенец; па что
 загибнет, то и тянест.
 459) Руки сняжут, язык не заняжут.
 (19 декабря <18>56. Надежда!)
 460) ~~Ф~~ столько изговорил, что на трех возах не увезешь.
 461) Скора, да не споро.
 Такой шедролад.
 462) Нет, меня не прибьешь, смея нос не дорос. Кто меня
 запада — в земле лежит, кто хочет бить — на свет не родился.

Под гору коленом, на гору коленом.

- 463) Чево-о! рубль серебра? Да я тебе за рубль-то серебра ~~не~~
и из-за реки не покажу.
- 464) Богат Ерошка, есть собака да кошка!
- 465) Лошадь работаяша: возит воду и воеводу.
Ах ты, франт, широки ноги!
- 466) Народу-то, народу-то,— как людей?
- 467) Если! Гм! Мало чено: если б в Москве 100
рублей дают.
- 468) Уж как разолета: журнал, просто журнал!
И чено тут нет, в Питере! Отца-матери нет.
- 469) Что ж это он? Утром пьян и вечером пьян?
Значит, другую фуру везет.
(И ман).
- 470) Поссорь, боже, народ, и скорми воевод.
- 471) Без мыла в <—> лезет.
- 472) Это и вору так вспору.
- 473) А ты пей-пей, да перегородку сделай, да потом опять пей.
- 474) Сходи туда, неведомо куда, привеси то, неведомо что.
- 475) Да ты, брат, еще не бог знает какой член.
- 476) Богослов, да ты не однослов.
- 478) Говоришь ему, а он смотрит, как баран из воду.
И живет же охота в такие темные ночи уходить бо-
весь куды!
- 479) Об водке речь, а волк навстречу.
- 480) Мальчик не мот, а деньги там перевод.
- 481) А много ль имены-то? Встанет со стула, и все с ним.
- 482) Кость-то тяжелая стала, годов девяносто уж будет.
- 483) Дети-то, батюшка, у меня не стоят, наказал господь!
- 484) «Ну, как поживаешь?» — «А так, как и прежде: ни сохну,
ни мокну».
- 485) А более так-с, для модели, чтобы люди глядели.
- 486) Не твоего ума дело.
(<1 нрав>. Отъезд М. 6 сентябр<я> <1>860.)